

СОВЕТСКИЕ ИСТОРИКИ И «ПРОГРЕССИВНЫЕ УЧЕНЫЕ» ЗАПАДА

А.В. Гордон

После смерти И.В. Сталина смягчение политического режима и ослабление международной напряженности позволили советским историкам возобновить контакты с зарубежными коллегами. Эти контакты превратились в подлинное научное сотрудничество с теми западными учеными, которых на идеологическом языке эпохи называли «прогрессивными». Широкое распространение в послевоенный период этого понятия само по себе свидетельствовало об известной идеологической либерализации. С конца 1920-х и особенно с 1930-х годов в СССР вошло в обиход нормативное наименование западных ученых в целом. Указание на принадлежность их к враждебному классу сделалось обязательным дополнением к фамилии при упоминании представителя западной науки. Обычно на труды «буржуазных» ученых ссылались как на объект критики, преимущественно идеологической. Более редким явлением были ссылки на приводимые в их книгах исторические факты, цитировались фактологические констатации. С концептуальными положениями нельзя было соглашаться в принципе.

Выделение категории «прогрессивных ученых» было знаменательным прежде всего потому, что выводы этих представителей западной науки можно было приводить без идеологической критики и даже присоединять к их концептуальным положениям. Само собой разумеется, что добавление в данном случае эпитета «прогрессивный» перед фамилией тоже было нормативным, становясь чем-то вроде охранной грамоты для советского автора. Таким образом, вопрос о принадлежности зарубежного историка к данной категории приобретал политическое значение.

Знали ли на Западе о статусной иерархии, установленной в СССР для представителей мировой науки? Знали, и, по крайней мере, те, кто активно сотрудничал с советскими коллегами, относились к идеологической дискриминации довольно болезненно. По свидетельству А.З. Манфреда, Фернан Бродель свое выступление в Институте всеобщей истории предварил заявлением: «Если меня будут называть буржуазным ученым и квалифицировать как буржуазного ученого, я уйду и не буду выступать»¹.

Александр Владимирович Гордон, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института научной информации РАН.

¹ Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С. 415.

Хотя официального регламента не существовало, практика тех лет позволяет установить критерии, которыми пользовались советские ученые при рекрутировании в категорию «прогрессивных» коллег. Самым бесспорным оказывалась принадлежность ученого к одной из западных компартий. Вторым признаком прогрессивности являлось цитирование Маркса и других классиков с соответствующим пиететом. Довольно неопределенным был третий критерий, предполагавший левые политические взгляды, выраженный антифашизм и, конечно, лояльность к Советскому Союзу. Ричард Кобб, о котором дальше пойдет речь, прошел именно по третьему критерию.

Исключительно благоприятным обстоятельством для развития послевоенной советской историографии оказалось то, что в изучении Французской революции выявилась целая группа крупных ученых, которых можно было, с точки зрения режима, назвать «прогрессивными». Эту, по выражению А.В. Адо, «плеяду» составляли, в первую очередь, ученики и последователи Жоржа Левефра Альбер Собуль, Джордж Рюде, Ричард Кобб. Контакты с ними приобрели характер тесного делового сотрудничества и в ряде случаев дружеского общения (вначале заочного).

Тем не менее с самого начала отношения между советскими и «прогрессивными» учеными за рубежом складывались очень непросто. Характерная коллизия возникла при подготовке трехтомника по истории революции, замысленного в секторе новой истории Института истории АН СССР. Подготовленный проспект был послан в различные научные коллективы и вызвал оживленные отклики². Историк из Одессы В.С. Алексеев-Попов поставил вопрос о том, что в новом труде должно быть обобщено «все то лучшее, наиболее ценное, что дала за последние десятилетия прогрессивная зарубежная /на первом месте – А.Г./ и советская историография». При этом ученый подчеркивал необходимость не только использования «материалов» (этот аспект вряд ли мог вызвать разногласия), но и привлечения самих исследователей, пустивших их в научный оборот. Сославшись на имеющийся опыт, Алексеев-Попов заключал, что настроенность на международное значение издания «делает такого рода кооперацию весьма желательной, если даже не прямо необходимой»³.

Алексеев-Попов указывал на вполне конкретную сферу, где международная кооперация была, по его мнению, «прямо необходимой».

² Благодарю А.В. Чудинова за возможность использовать находящиеся в архиве «Французского ежегодника» протоколы заседаний редколлегии трехтомника и отзывы ведущих советских специалистов. Первым к обработке документов этого собрания приступил Д.Ю. Бовыкин (см.: *Бовыкин Д.Ю.* Анатолий Васильевич Адо: образ и память. Саратов, 2007. С. 69–70).

³ *Алексеев-Попов В.С.* Замечания на «Прспект» коллективного труда «Великая французская буржуазная революция XVIII века». Одесса, 17 января 1963 г. С. 1–2.

То была ни много ни мало вся проблематика якобинской диктатуры, привилегированная сфера интересов советской историографии. «Наиболее плодотворных в научном отношении результатов... – писал он членам редколлегии, – /в/ последние годы достигло то наиболее близкое к марксизму направление (А. Собоуль, Ж. Рюде, В. Марков), которое обогатило историографию вопроса ценными исследованиями по истории “санкюлотов”, их роли на высшем этапе развития революции, их взаимоотношений с якобинским руководством»⁴.

Проблема заключалась в том, что было деликатно названо «близостью к марксизму». «Коллективное решение, – говорил Манфред, – ...должно быть не просто суммой мнений, а действительно решением, но выработать его трудно, так как на многие вопросы существуют разные точки зрения, в частности, *мы не согласны с рядом мнений наших зарубежных коллег*, прогрессивных историков (Рюде, Собоуль и др.). *Мы не хотим подчеркивать эти разногласия*, будем ряд вопросов решать *вширь* !?!, но некоторое отражение это в томе [по якобинской диктатуре] *найдет /курсив мой – А.Г./»*⁵.

Итак, руководство сектора опасалось кооперироваться с Собоулем и его сподвижниками из-за наличия принципиальных разногласий. О чем шла речь? Западные марксисты более пунктуально следовали историографической, прежде всего французской традиции: смысл революции XVIII века – крушение Старого порядка (феодализма), материализация буржуазной идеологии и санкция общественного порядка во главе с буржуазией. Соответственно, специфическая активность небуржуазных слоев с их антибуржуазными требованиями оказывалась, в представлении последователей Жореса-Левефра, «запредельной» для революции в ее буржуазном естестве.

Советские историки исходили из ленинской схемы революции в России как перерастания буржуазной революции в социалистическую (углубление, «выход за рамки», гегемония небуржуазных сил)⁶ и не могли допустить, чтобы вне общего процесса Французской революции оказались разнообразные народные движения, которым придавалось важнейшее значение не только в конкретно-историческом, но и в общетеоретическом плане (известный постулат о решающей роли народных масс в истории). Советская историография, следуя своим методологическим установкам, должна была решать амбивалентную задачу – признавая небуржуазность устремлений «народа», интегрировать их в рамки буржуазной революции.

⁴ Там же. С. 3–4.

⁵ Протокол заседания сектора новой истории. 5 апреля 1963 г.

⁶ См.: Лукин Н.М. Ленин и проблема якобинской диктатуры // Историк-марксист. 1934. № 1 (35) (то же: Избранные труды. Т. 1. М., 1960); Алексеев-Попов В.С., Баскин Ю.А. Проблемы истории якобинской диктатуры в свете трудов В.И.Ленина // Из истории якобинской диктатуры. Одесса, 1962.

1. Реакционность или радикальность эгалитаризма? Принципиальное значение имело расхождение в оценке уравнилельных устремлений городских и сельских масс. Собоуль, следуя историографической традиции, очерченной Жоресом (и воспринятой в ранней советской историографии), допускал их экономическую реакционность, т.е. эгалитаризм трактовался как нечто противоположное логике капиталистического прогресса (например, имущественный максимум рассматривался как препятствие на пути концентрации капитала и производства).

Советские историки следовали авторитету В.И. Ленина. В идейно-теоретической конфронтации с меньшевиками, придерживавшимися социал-демократических схем революции (общих для II Интернационала и отразившихся в «Социалистической истории» Жореса), вождь большевиков доказывал, что эгалитаризм, будучи реакционным в социалистической революции, является исключительно прогрессивным для революции буржуазной, мощнейшим инструментом осуществления ее антифеодальных задач. «Идея равенства мелких производителей, – цитировал Ленина А.В. Адо, – ...есть самое полное, последовательное и решительное выражение буржуазно-демократических задач»⁷.

Иными словами, советский историк допускал антибуржуазность, но отнюдь не антикапиталистичность эгалитаризма. Капитализм для Адо как формация включал демократические формы мелкого производства и собственности, основанной на личном труде. Подобная многоукладность исключалась в подходе Собоуля. Однако методологическое преимущество советского историка нельзя считать абсолютным. Мелкотоварное производство отождествлялось им с мелкокапиталистическим укладом.

2. Мелкобуржуазность или докапиталистичность мелкого производителя? Исходя из генеральной линии исторического прогресса как поступательного утверждения господства капитала, Адо именовал санкюлотов – «мелкой буржуазией», а их уравнилельные устремления – «мелкобуржуазной идеологией»⁸. Собоуль, исходя из той же генеральной линии, акцентировал «докапиталистичность»: «для бедного крестьянства характерен тот же докапиталистический образ мышления, что и для городских санкюлотов»⁹.

3. Единый процесс или взаимодействие потоков? В важнейший методологический оселок превратилась дилемма¹⁰, была ли Французская революция единым процессом или ее можно разложить на буржуазную и небуржуазную составляющие. Упрекая Собоуля в том, что

⁷ Адо А.В. Вступительная статья // Собоуль А. Из истории великой буржуазной революции 1789 – 1794 годов и революции 1848 года во Франции. М., 1960. С. 20.

⁸ Там же. С. 8–9.

⁹ Там же. С. 57.

¹⁰ Она приобрела еще большую остроту в «ревизионистской» критике традиционной концепции Французской революции как революции «буржуазной».

в его изображении революция расчленяется на «два как бы параллельно идущих процесса – буржуазную революцию и народное движение», Манфред доказывал, что народное движение стало частью якобинской диктатуры и именно в этом смысл применения к якобинской власти понятия «революционно-демократическая диктатура».

4. Якобинцы – буржуазность или блок? «Можно ли говорить о противоречиях между санкюлотами и Революционным правительством в период якобинской диктатуры? Да, в какой-то мере можно», – допускал советский историк. Однако, не следует, во-первых, делать упор на этих противоречиях, а, во-вторых, видеть в них классовый антагонизм. Хотя Собуль не дает «прямого и четкого определения классовой природы якобинизма или якобинского правительства», тем не менее «можно ясно понять, что он рассматривает их как чисто буржуазные». От имени «советской исторической школы» Манфред сформулировал прямо противоположную позицию: «Якобинство, якобинская партия представляли не какую-либо классово однородную силу, а блок... демократической буржуазии (имея в виду ее средние и низшие слои), крестьянства и плебейства»¹¹.

5. Демократическая диктатура – оксюморон или диалектика? Самым раздражающим фактором для советской историографии было «противопоставление диктатуры и демократии, революционного правительства и народного движения», которое «в законченной форме.. дано в известном труде нашего друга Альбера Собуля». Позицию «друга Собуля» и его сподвижников лидер советских историков оспаривал шквалом риторических вопросов, выводящих (*encore et toujours*)¹² к авторитету Вождя: «Следует ли противопоставлять демократию и диктатуру? Не следует ли искать решения в ином – не в противопоставлении демократии и диктатуры, а в их сближении? Не уместно ли, обращаясь к истории якобинского этапа революции, вспомнить о знаменитом определении В.И.Ленина: революционно-демократическая диктатура?»¹³.

Противопоставляя свою позицию концепции Собуля (которую разделяли его сподвижники), советские историки считали эту позицию единственно верной, поскольку она опиралась на положения, почерпнутые в работах Маркса-Энгельса и освящалась авторитетом Ленина. Уверенность в незыблемости этих положений и адекватности их

¹¹ Манфред А.З. Вступительная статья // Собуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966. С. 14–16.

¹² Эта особенность советской историографии была замечена оппонентами. По свидетельству Адо, Собуль в беседе с ним охарактеризовал советскую критику как «ленинско-народническую позицию» (из воспоминаний 60-х годов). «Ревизионисты», в свою очередь, упрекали марксистскую историографию в отходе от основоположников к «марксизму-ленинизму» (см.: Адо А.В. Современные споры о Великой французской революции // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977. С. 171).

¹³ Манфред А.З. О природе якобинской власти // ВИ. 1969. № 5. С. 102.

восприятия затрудняла диалог. Советские историки не признавали паритета в методологических расхождениях. Убежденные в том, что лучшее знание классиков марксизма обеспечивает им более глубокое понимание исторических реалий, оппоненты Собоуля обнаруживали особенно на первых порах очевидную склонность к дидактике.

В бытность аспирантом сектора новой истории, возглавлявшегося в начале 60-х годов Б.Ф.Поршневым, случилось мне в разговоре с ним выразить совершеннейший восторг книгой Собоуля: «Вот у кого учиться надо». Борис Федорович резко парировал: «Собоуля самого еще учить надо». Сколь единодушным и искренним было желание «учить Собоуля», свидетельствуют и другие документы. Я.М. Захер писал Адо, работавшему над вступительной статьей к изданию работ Собоуля: «Ошибки Собоуля никак не являются его личными, а целиком повторяются и у Rudé, и у Walter Markov'a, и у Cobb'a... Не кажется ли Вам, что эти ошибки необычайно напоминают ошибки в ранних работах советских историков, в частности Н.М. Лукина, С.М. Моносова, Г. Фридлянда и Вашего покорного слуги? По-видимому, это какая-то своего рода «детская болезнь»¹⁴.

Яков Михайлович отнюдь не был «крайним» в своей критике. «Читаю книгу Собоуля¹⁵, – пишет ему Алексеев-Попов. – По-прежнему резко бросается в глаза: а) то, что он в pendant к Ж. Лефевру, объявившему автономной и специфической революцию крестьян (или во всяком случае) борьбу крестьян в революции, объявляет не только специфической, но и автономной – борьбу плебеев. Это, конечно, глубоко неверно и свидетельствует по-моему о том, что он не только из тактических соображений не опирается открыто на мысли Маркса, Энгельса и Ленина, но что он внутренне, увы, чужд им в понимании действительной/ роли этих масс в самой динамике бурж/уазной/ революции XVIII в.»¹⁶ В отзыве на рукопись второго издания монографии о «бешеных» Алексеев-Попов не соглашался с мнением Захера, что работы «зарубежных прогрессивных историков» «выдержаны в общем и целом в духе марксизма-ленинизма». «Мне лично, – подчеркивал одесский историк, – эта оценка представляется пока еще, к сожалению, преждевременной»¹⁷.

¹⁴ Я.М. Захер – А.А. Адо. 3 декабря 1958 г. (Цит. по: Восемь писем Я.М. Захера А.В. Адо / В.П. Золотарев, С.С. Канашкина // Мир историка: Историогр. сб. Вып. 2. Омск, 2006. С. 329–330.) Выражая признательность издателям за ценную публикацию, не могу не отметить, что местами в воспроизведении рукописного текста встречаются погрешности.

¹⁵ Soboul A. Les sans-culottes parisiens en l'An II. P., 1958.

¹⁶ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру. Одесса. 22 августа 1959 г. (Здесь и далее письма Я.М. Захеру приводятся из любезно переданного мне вдовой Зоей Ивановной Клопихиной и ее дочерью Людмилой Николаевной Русак архива ученого).

¹⁷ Алексеев-Попов В.С. Рецензия на рукопись монографии профессора Я.М. Захера «Бешеные» (Очерки из истории Великой французской буржуазной революции). С. 9. Подписанная 10 июня 1959 г. эта рецензия из архива Я.М. Захера насчитывает 52 стр.

Захер был человеком другого поколения (старше своего корреспондента почти на 20 лет) и другой исследовательской культуры (ученик Н.И. Кареева, отпрыск «*école russe*»). В отличие от Алексеева-Попова, Поршнева, Манфреда, ученых советско-марксистской формации, Захер готов был отнести к марксизму все, что считал верным, а исследовательская манера и сами выводы Собуля, Рюде, Кобба ему, убежденному стороннику изучения революции «снизу», были, безусловно, близки. Конечно, он был достаточно начитан, чтобы видеть прорехи, с советской точки зрения, марксистского образования у Собуля и его сподвижников. «Я совершенно согласен с Вами, что для Собуля характерно усвоение только учения Маркса и Энгельса, но не В.И. Ленина»¹⁸; – писал он Адо. Но как битый за «отступничество», историк болезненно реагировал на какую-либо возможность отлучения зарубежных коллег–товарищей от марксистского учения.

Свой теоретический «оппортунизм» Захер объяснял (оправдывал) политическими обстоятельствами: «Должен сразу сказать, – писал он Адо, – что эту рецензию /на книгу Собуля/ я совершенно сознательно написал очень односторонне: говорил о положительных сторонах книги и умалчивал о сторонах отрицательных. Я полагаю, что при нынешних политических отношениях во Франции нападение в советском журнале на французского историка-коммуниста... если только в его писаниях нет прямого ревизионизма, было бы делом в высшей степени бестактным»¹⁹.

В отзывах и рецензиях на работы Собуля, Кобба, Рюде, Тенессона Захер неизменно подчеркивал их соответствие положениям марксизма-ленинизма. Безусловно в таком подчеркивании содержался полемический элемент, имплицитная полемика принимала порой трагикомичный оборот. «Зарубежная прогрессивная литература по истории Великой французской буржуазной литературы пополнилась новым и чрезвычайно ценным исследованием», – так характеризовал Захер выход первого тома «Революционных армий» Ричарда Кобба. «Исследование Кобба, – писал он, – основано на широко использованном автором богатейшем материале Национального и других парижских и провинциальных архивов, и уже одно это обстоятельство придает его книге очень значительную ценность. Но !/ главное достоинство работы Кобба все же не это, а то, что автор в своем анализе приходит к выводам, полностью совпадающим с марксистско-ленинским пониманием всего характера революции 1789 – 1794 гг.»²⁰.

Надо отдать должное редакции «Вопросов истории» (Я.С. Драккин), которая почувствовала несурзность противопоставления. В

¹⁸ Восемь писем Я.М. Захера А.В. Адо... С. 331.

¹⁹ Там же. С. 328–329.

²⁰ Из архива Я.М. Захера.

опубликованном тексте рецензии следовало: «Автор /Кобб – А.Г./, стремясь в первую очередь не к широким обобщениям, а к вводу в научный оборот нового фактического материала, использовал массу документов из Национального и других парижских и провинциальных архивов и в результате пришел к выводам, полностью совпадающим с марксистско-ленинским пониманием характера революции 1789–1794 годов»²¹.

При всем том Захер отвергал положение об экономической реакционности уравнительных требований секционного движения (которое сам разделял в 20-х годах), ссылаясь, подобно Адо, на ту же ленинскую цитату о «буржуазно-демократическом» характере «идеи равенства мелких производителей». Критиковал Захер и идею автономности движения. Однако, утверждал он, это положение остается у Собуля «лишь абстрактной декларацией. Что же касается конкретного анализа острых противоречий между санкюлотами и революционной буржуазией, то он вполне правилен»²². Здесь Захер был ближе к Собулю, чем к Манфреду.

В рецензии Захера был установлен своеобразный идейно-теоретический водораздел: классики марксизма-ленинизма указывали на «огромную, можно сказать, решающую роль, которую в ходе французской буржуазной революции сыграли плебейские массы» – «буржуазные историки... систематически преуменьшали» эту роль²³. Поскольку Собуль и его сподвижники выявляют роль народных масс, они следуют указаниям, значит они – марксисты. Для советского историка марксизм был, скорее, идейно-политической, чем методологической позицией. И хотя коллеги Захера были, несомненно, более искушены в марксистской методологии, проведенный им водораздел был единодушно воспринят. Изучение «снизу», с точки зрения роли масс в революции (заодно, разумеется, с верностью революционной традиции, с пиететом к русской и французской революциям) стало идейно-политической основой своеобразного «левого блока» между советскими историками и «прогрессивными учеными» на Западе в международной историографии Французской революции.

Возникший союз не был новым явлением. Он воспроизводил ту высокую степень сотрудничества, которая была достигнута в 1920-х годах между направлением Альбера Матьеза, основанного им Общества робеспьеристских исследований и журнала “*Annales historiques de la Révolution française*”, с одной стороны, и советскими историками – с другой. Как и в 20-х годах, спустя 30 лет, это сотрудничество включало три составляющих: политическую, творческую и личностную.

²¹ Вопросы истории. 1963. № 3. С. 177.

²² Захер Я.М. /Рец.:/ А. Собуль. Парижские санкюлоты. Ля-Рош-сюр-Ион, 1958 // НиНИ. 1959. № 4. С. 150.

²³ Там же. С. 148.

Понятно, что советские историки очень хотели выйти из изоляции, на которую их обрек, в первую очередь, железный занавес, стремились, во-первых, получить возможность работать во французских архивах, а, во-вторых, мечтали, чтобы об их исследованиях знали за рубежом и особенно на родине той революции, которой они были посвящены. В первом направлении Собуль и его сподвижники не могли помочь. До защиты докторских диссертаций и получения профессорского статуса (с 1962 г.) они занимали невысокое место в университетской иерархии. Их приглашения мало что значили для советской академической и политической бюрократии и порой оборачивались психологическими потрясениями для тех, кого они приглашали.

Драматический случай произошел с приглашением Я.М. Захера на коллоквиум, посвященный 200-летию Бабефа. Коллоквиум должен был состояться в Стокгольме во время XI Международного конгресса историков. Организаторами коллоквиума были Собуль и Марков. Начиная с весны в переписке между Собулем, Марковым и Захером обсуждается вопрос, с каким сообщением лучше выступить последнему. Собуль приходит к выводу, что предпочтительней статья Захера «Бабеф и Жак Ру»²⁴, затем выбор пал на другую статью.

В программу коллоквиума «Бабеф и проблемы бабувизма» включается выступление ленинградского профессора на тему «Бешеные и бабувисты: Варле во время термидорианской реакции»²⁵; и эту программу Собуль высылает Захеру 13 июля с припиской пригласить «советских коллег, делегатов Конгресса» посетить заседание коллоквиума²⁶. В программе, заметим, значится лишь одна фамилия советского историка. Можно себе представить возмущение «советских коллег»!

Захер получил дружеское внушение от А.З. Манфреда: «Дорогой Яков Михайлович! Перед отъездом в отпуск пишу Вам несколько слов. Мне думается, что в связи с тем, что подготовка и организация коллоквиума по бабувизму в Стокгольме была проведена без контактов *и советов* /зачеркнуто – А.Г./ с нами, едва ли будет правильным, чтобы был оглашен Ваш доклад, т.е., иными словами, чтобы Вы участвовали в этом коллоквиуме. Я бы Вам посоветовал написать Маркову²⁷, что Вы передумали !! и не хотели бы, чтобы Ваш доклад состоялся, сославшись на то, что статья была написана давно и не предназначалась

²⁴ А. Собуль – Я.М. Захеру. 21 июня 1960 г.

²⁵ Из архива Я.М. Захера.

²⁶ «Voulez vous avertir vos collègues soviétiques, délégués à ce Congrès, pour qu'ils assistent à notre colloque babouviste» (А.Собуль – Я.М.Захеру. 13 июля 1960 г.).

²⁷ Профессор Лейпцигского университета (ГДР) Вальтер Марков был тесно связан научно-организационными отношениями с Собулем и стал посредником в налаживании контактов между советскими и зарубежными коллегами. Очень высоко ценил Захера и пытался издать его книги в ГДР. В архиве Я.М. осталось объемистое собрание писем немецкого ученого.

для этой цели»²⁸. Не желая подвергаться остракизму, Захер «передумал».

Собуль вначале не понимал тонкостей советской научной дипломатии. Получив от Захера сообщение о «совете» Манфреда, он воспринимает за чистую монету довод о неинформированности советской стороны. Он заверяет Захера в противном. Кому следовало, тот узнал²⁹. «Что же касается “официальной” переписки с Институтом истории Академии наук СССР, пусть Манфред не удивляется, если организаторы (Марков и я) не информировали официально Институт: в таких случаях переписка становится очень медленной и нескончаемой». Обнаруживая верх наивности, Собуль продолжал: «Я предпочитаю корреспонденцию между друзьями, как с вами или с Далиным»³⁰.

Вскоре Собулю дают исчерпывающим образом понять пределы дружеских контактов с советскими коллегами. Он получает телеграфное уведомление из Москвы из Института истории, что на коллоквиум «официальными» представителями от СССР направляются В.П. Волгин (его заместил А.Г. Иоаннисян) и Б.Ф. Поршнева. Собулю не остается ничего другого, как извиниться перед Захером. «Абсолютно необходимо, чтобы наш коллоквиум имел успех», – объясняет он свою позицию. Между тем «у нас уже есть трудности с “официальными” лицами Конгресса, которым бабефовский коллоквиум внушает страх и для которых мы ищем скандала... Не хватает еще, чтобы наши советские друзья создавали нам трудности»³¹.

Итак, Собуль пошел на попятную. Захера на коллоквиуме не оказалось, и его сообщение не было зачитано. «Как Вы и просили, – сообщает Собуль, – оно не было прочитано под предлогом Вашего отсутствия и недостатка времени. Но поскольку это сообщение фигурировало в программе коллоквиума, я резюмировал его за пять минут – Поршнева и Иоаннисян, *официальные советские представители*, были согласны с этой процедурой /курсив мой – А.Г./»³². Так, Собуля учили официальному советскому этикету. Можно теперь лишь посмеяться над тем, что Поршнева, желавший учить Собуля глубинами марксистского анализа, явил себя вначале в роли наставника по официальным советским процедурам. Б.Ф. принял активное участие в работе коллоквиума,

²⁸ А.З. Манфред – Я.М. Захеру. Не датировано /очевидно июль 1960 г./.

²⁹ «Mon cher ami, A propos du colloque Babeuf et de la conversation avec Manfred que vous me rapportez – rassurez vous: des programmes du colloque ont été envoyés à la fois par moi et par Markov... à Volguine, Daline, Manfred, Porchnev et aussi à l'Institut du Marxisme-Léninisme. D'autre part, j'ai tenu personnellement Daline au courant» (А. Собуль – Я.М. Захеру. 3 августа 1960).

³⁰ Именно Захер и Далин были, очевидно, первыми советскими историками, с которыми Собуль вступил в дружескую переписку.

³¹ А. Собуль – Я.М. Захеру. 9 августа 1960 г.

³² А. Собуль – Я.М. Захеру. 22 сентября 1960 г.

рассказал о бабувистских исследованиях в СССР и зачитал сообщение Далина. Доклад Волгина был зачитан Иоаннисяном³³.

Отметим, что будущий руководитель международных научных комиссий, секций и форумов Собоуль учился бюрократическим процедурам не только в сношениях с советскими инстанциями. Для руководителей Стокгольмского конгресса он сочинил великолепный бюрократический документ, своего рода индульгенцию для бабефовского коллоквиума. Обращаясь к его участникам, Собоуль извещал, что проведение коллоквиума одобрено бюро Конгресса и для этого выделено помещение. Но коллоквиум «не входит в официальную программу Конгресса и не зависит ни от какой комиссии... Заседание назначено на 17 часов... после торжественного открытия Конгресса, намеченного на 14 часов, так чтобы во всех отношениях *избежать какого-либо нежелательного совпадения двух мероприятий* /курсив мой – А.Г./»³⁴. Посылая эту бумагу Захеру, Собоуль предпринимал последнюю попытку засвидетельствовать, что коллоквиум является «частным» мероприятием и, таким образом, не нуждается в присылке официальных делегаций, в том числе из СССР.

Описанный инцидент оказался многозначительным для отношений «прогрессивных ученых» с советскими коллегами. Главное, он показал, что те и другие нуждаются во взаимной поддержке на международной арене; с этого момента официальные деловые связи между, в первую очередь, Собоулем как секретарем Общества робеспьеристских исследований и редактором его журнала, с одной стороны, и официальными представителями советской науки, т.н. выездными – с другой, стали развиваться по нарастающей.

В ноябре 1963 г. по приглашению Института истории Собоуль прибывает в СССР, выступает с докладами, в том числе в Академии общественных наук при ЦК КПСС, посещает редакции «Французского ежегодника» и «Новой и новейшей истории», участвует в работе редколлегии того самого трехтомника по Французской революции, где высказывает «интересные замечания по ряду проблем». Перед ним открываются двери Центрального партархива (куда 20 лет спустя не был допущен Клод Мазорик, несмотря на ходатайство политбюро ЦК ФКП)³⁵. Собоуль получает статус «видного французского историка-марксиста», и с ним обсуждают «возможности дальнейшего

³³ Markov W. Kolloquium «Babeuf et les problemes du babouvisme». Stockholm. 21 August 1960. // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin, 1960. Н. 8. S. 1879 – 1880. См. также: *Поршнев Б.Ф.* Коллоквиум, посвященный изучению Бабефа и бабувизма // ФЕ, 1960. М., 1961. С. 275–278.

³⁴ «... de manière à éviter sous tous les rapports toute indésirable coincidence des deux manifestations» (копия циркуляра от 7 августа 1960 г. за подписью А. Собоуля из архива Я.М. Захера).

³⁵ См. статью К. Мазорика в данном выпуске ФЕ..

расширения научных контактов между историками Советского Союза и Франции»³⁶.

В то же время в орбиту официальных отношений, регламентированного «международного научного сотрудничества» (как это называлось) не попали ни Рюде, ни Кобб, который не мог получить признания в статусе «историк-коммунист». С советской стороны не попал в орбиту и Захер; и переписка с ним зарубежных коллег (включая Собуля) до конца носила чисто дружеский, неформальный характер, что и придает ей особую ценность, позволяя выявить глубинные истоки сотрудничества между историками СССР и их «прогрессивными» коллегами.

Автор первой в мировой науке монографии о Жаке Ру, Варле, Леклерке, Клер Лакомб³⁷, Захер возвратился к работе в Ленинградском университете в 1956 г., после 18-летнего заключения и ссылки. Именно контакты с Собулем, Рюде, Коббом, а также с профессором Лейпцигского университета Вальтером Марковым, учеными из Франции (Марк Булуазо), из Англии (Барри Роуз), из Норвегии (Каре Тенессон), из США (Морис Славин), присылавшими журналы, оттиски своих статей, книги, позволили Захеру полноценно и в кратчайший срок вернуться к науке. Присылаемой литературой пользовались коллеги и ученики Захера. Таким образом – частный, но примечательный факт – восполнялось отсутствие новейшей научной литературы в СССР (с конца 30-х годов и особенно в годы борьбы с «космополитизмом» иностранное комплектование научных библиотек почти прекратилось).

Подчеркнем, что потребность в общении испытывали обе стороны, инициаторами нередко выступали зарубежные коллеги ленинградского историка. Нет сомнений, что на рубеже 50 – 60-х годов именно он обладал наибольшим авторитетом среди советских историков Французской революции. Это признавали и официальные академические лидеры. «В Париже, когда я там был, – писал Захеру Манфред, – о Вас многие историки спрашивали – /у/ Вас там почет»³⁸.

Любопытно между тем, какими окольными путями завязались контакты советского ученого с его столь жаждавшими общения зарубежными коллегами. Вальтер Марков, занявшись с 1954 г. изучением деятельности Жака Ру, обратился в ЛОИИ с просьбой выслать микрофильм монографии Захера и там узнал о возвращении ученого к занятиям наукой. Тогда он обратился за содействием к А.С. Ерусалимскому как председателю комиссии историков СССР – ГДР. Тот не только переслал письмо Маркова Захеру, сопроводив своим

³⁶ Сиволоп И.И. Французский ученый в гостях у советских историков // НиНИ. 1964. № 1.

³⁷ Захер Я.М. «Бешеные». Л., 1930.

³⁸ А.З. Манфред – Я.М. Захеру. Не датировано /январь 1963 г./.

благословением на контакты, но и любезно предложил использовать для этого его возможности³⁹.

Марков просил Захера предоставить искомую книгу, сообщив, что ее нет в «обеих частях Германии», а во Франции есть только два экземпляра, из которых один у М. Домманже⁴⁰. К немецкому тексту была приписка по-русски⁴¹: «С большим удовольствием мы узнали о Вашей работе на /sic!/ Ленинградском университете»⁴². Получив опять же через Ерусалимского письмо Захера и книгу, Марков благодарит, отмечая, что книга о «бешеных» «может отлично нам служить, поскольку советская историография 20-х годов почти не известна не только студентам, но и историкам (молодым /!/)». Марков ставил вопрос о «немецком (а может быть и французском) издании» книги и предлагал ленинградскому профессору прежде всего поучаствовать в сборнике, который готовился в ГДР при содействии французской стороны (Собуль) к 200-летию Робеспьера. О заинтересованности коллег свидетельствует оперативность почтового обмена (в течение всего одного месяца). Многозначительным также было добавление: «Французские коллеги узнали о том, что Вы вернулись на работу и очень приветствуют Вас»⁴³.

Вскоре коллеги с Запада сами подтвердили это. Через 2 месяца в Ленинград пришло письмо от Собуля: «Счастлив был иметь известие о Вас через профессора Маркова из Лейпцигского университета. Я Вас давно знаю по работам о “бешеных” (мне перевели несколько глав Вашей книги для личного пользования)». Сообщив об отправке оттисков своих статей, Собуль выражал надежду, что это будет «началом плодотворного сотрудничества» и тут же делал Захеру деловое предложение «подготовить статью для наших “Annales”»⁴⁴.

Деловыми предложениями такого же типа (и их обсуждением) отмечена и переписка с Марковым, а также с директором итальянского журнала «*Critica storica*» Армандо Саиттой, которые, подобно Собулю, выступали в эти годы организаторами международного сотрудничества историков левой ориентации. Как правило деловая тема отсутствует в письмах к Захеру других зарубежных корреспондентов. Однако мотивы

³⁹ А.С. Ерусалимский – Я.М. Захеру. 5 сентября 1957 г. Любопытно, что Аркадий Самсонович предлагал для переписки с Марковым использовать адрес его полевой (!) почты.

⁴⁰ Вероятно, этот французский историк левой ориентации, занимавшийся социальными идеями и написавший работу о Жаке Ру, получил книгу непосредственно от Захера еще в начале 30-х годов.

⁴¹ Марков писал преимущественно по-немецки, но, будучи родом из Словении, очень хотел выучиться русскому, на котором, насколько помню по беседе с ним в Лейпциге в 1989 г. (на его 80-летнем юбилее), говорил с трудом.

⁴² В. Марков – Я.М. Захеру. 2 сентября 1957 г.

⁴³ В. Марков – Я.М. Захеру. 30 сентября 1957 г.

⁴⁴ А. Собуль – Я.М. Захеру. 23 ноября 1957 г.

обращения к ленинградскому ученому у всех едины – его личный авторитет и уважение к советской историографии, перешедшие, например, у Кобба, можно сказать, по наследству.

Уточнив, что Захер станет вторым советским ученым, после В.С. Люблинского, с которым он переписывается, преподаватель (тогда) Национального университета Уэльса продолжал: «Но мне кажется, что я Вас давно знаю. Мой оксфордский профессор Дж.М. Томпсон⁴⁵, умерший год назад, мне часто говорил о Вас; он овладел русским настолько, чтобы читать Вашу книгу о бешеных; и ему всегда было приятно получать вести от Вас – ему было очень приятно иметь корреспондента в СССР и он очень гордился этим»⁴⁶.

Развивая эту тему в следующем письме, Кобб писал, что благодаря учебе у Томпсона – убедительный пример и международного влияния ранней советской историографии, и его ограниченности узким кругом специалистов левой ориентации – Захер имел причастность к его формированию тем, что внес «нового и оригинального в изучение Революции». Кобб благодарил за присылку книг, которые он видел только у Томпсона и которые после смерти ученого перешли в Бодлейскую библиотеку в Оксфорде. Он надеялся, что познакомится с ними благодаря своей русской невесте, и обещал предоставить также в распоряжение Рюде и Роуза. Подчеркнув, что зарубежные коллеги ждут от Захера новые работы, в частности переиздание «Бешеных», Кобб заключал: «Вы знаете без сомнения, что пользуетесь широкой известностью (*grande renommée*) среди специалистов по истории Французской революции здесь /во Франции – А.Г./ и в моей стране»⁴⁷.

Узнав от того же Маркова о возвращении Захера к работе, Джордж Рюде спешил засвидетельствовать «свое глубокое уважение и желание войти в контакт». Сообщив о тематике своих исследований, английский историк заключал: «Я надеюсь, что вскоре буду иметь удовольствие получить Ваши советы»⁴⁸. Барри Роуз, изложив свою концепцию «бешеных» (он подготовил книгу о них на основе своей диссертации), просил Захера высказаться, даже если мнение будет отрицательным⁴⁹.

Судя по регулярности⁵⁰, общение было содержательным. «Я счастлив от нашей переписки и сотрудничества»⁵¹, – писал Собоуль в связи с

⁴⁵ Автор монографии о Робеспьере, близкой по оценкам якобинского лидера к исследованиям Матьеза. Захер переписывался с Томпсоном в 20-х годах, вероятно после поездки во Францию в 1927 г.

⁴⁶ Р. Кобб – Я.М. Захеру. 5 декабря 1957 г.

⁴⁷ Р. Кобб – Я.М. Захеру. 10 января 1958 г.

⁴⁸ Дж. Рюде – Я.М. Захеру. 11 февраля 1958 г.

⁴⁹ «I would be glad to hear what you propose to say about me – even if it is damning» (Б. Роуз – Я.М. Захеру. Не датировано).

⁵⁰ В находящемся у меня архиве Захера сохранились десятки писем Маркова, Собоуля, Кобба, Рюде.

получением от Захера его статьи. И как отражение, переписка быстро приобрела интимно доверительный характер. Не прошло и полугода, Собуль перешел с обращения «дорогой коллега» на «дорогой друг»⁵². Аналогичная динамика в письмах Кобба: «cher Monsieur» – «mon cher ami»⁵³ (встречается у обоих корреспондентов Захера «bien cher ami»). Их переписка с ленинградским историком, кроме интенсивности (Собуль даже из Японии не преминул отправить дружеское приветствие с видом горы Фудзи), отличалась наибольшей доверительностью. Остро затрагивались политические проблемы, главным образом обстоятельства падения Четвертой и утверждения Пятой республики. Наибольшее место в общем занимала научная тематика.

Собуль, Кобб, другие зарубежные коллеги обменивались с Захером мнениями по концептуальным проблемам революции и особенно народного движения, интересовались оценками своих работ ленинградским профессором, неоднократно вступали в полемику с ним. Рецензии Захера были значимы для них не только с содержательной точки зрения, но и потому, что они открывали этих историков научному сообществу в СССР. В этот период для «прогрессивных ученых» были важны даже ссылки на их работы в советской печати.

Примечательна коллизия, возникшая между Собулем и С.А. Лотте, о которой тот не замедлил сообщить Захеру. Собуль получил от Лотте резюме ее выступления на коллоквиуме в Москве, а в самом тексте он нашел ссылки на свою монографию. «Матъез, Лефевр цитируются – даже Рейнар⁵⁴ (!). Но не Собуль, – возмущался французский историк. – Тем не менее я касался этой проблемы в своей диссертации. Я привык, что меня и мои работы замалчивают здесь, во Франции. Но если советские коллеги поступают так же, это уже слишком». Собуль потребовал от Лотте, чтобы та сообщила о его возмущении Захеру: «ничего не стоит скрывать от друзей»⁵⁵.

«Маленький инцидент», как назвал произошедшее Собуль, быстро разрешился; но он не удержался от нравоучения: «Я хотел только сказать о необходимости какой-то солидарности между нами... Поддержка советских друзей – большая помощь для меня, даже во Франции». «Я думаю, – снова вернулся Собуль к вопросу в заключении письма, – что мы принадлежим к одной великой семье и что между нами должны царствовать дружба и братство»⁵⁶. Итак, «одна великая семья» – вот как

⁵¹ А. Собуль – Я.М. Захеру. 13 июля 1958 г.

⁵² А. Собуль – Я.М. Захеру. 20 мая 1958 г.

⁵³ Р. Кобб – Я.М. Захеру. 6 октября 1958 г.

⁵⁴ Автор монографии об армии революционной эпохи, предшественник Собуля на посту заведующего кафедрой истории Французской революции в Сорбонне.

⁵⁵ А. Собуль – Я.М. Захеру. 7 января 1962 г.

⁵⁶ А. Собуль – Я.М. Захеру. 14 февраля 1962 г.

понимали свое сотрудничество с советскими коллегами французский историк и его сподвижники!

Надо сказать, Собуль довольно ревниво относился к кругу общения тех, кого считал «друзьями» и «братьями». Когда Захер, постоянно стремившийся расширить круг своих корреспондентов, попросил у него сообщить адреса Анри Кальве и Мишеля Юда (Eude), специалистов по социальной истории революции, Собуль немедленно выполнил его просьбу. Но сопроводил «идеологическим» комментарием: «Убеден, что два этих историка будут счастливы вступить в научную корреспонденцию с Вами. Однако внимание! Они не “прогрессивны”⁵⁷ (в политическом отношении). Хотя это бывшие ученики Альбера Матъеза, они скорее реакционеры. Кальве является (я думаю) правым радикалом. Но оба – люди вежливые /courtois/»⁵⁸.

В то же время Собуль отнюдь не требовал от советских друзей безоговорочного одобрения своей научной концепции. Напротив, когда Захер, читавший очень внимательно его монографию (перед тем как написать рецензию для «Новой и новейшей истории»), сделал ряд критических замечаний, Собуль постарался снять моменты расхождения. Однако за замечания благодарил, отметив, что члены жюри при его защите отделались формальными оценками и потому он особенно ценит внимание, проявленное Захером к его работе. Собуль в то же время допускал возможность разногласий и не считал нужным их скрывать: «Если есть моменты, в которых мы не согласны, об этом нужно писать, нужно дискутировать. Следовательно, я жду от Вас критическую рецензию... Мне не нужна чисто хвалебная рецензия»⁵⁹.

Собуль не скрывал от советского друга сложность своего положения в научном мире Франции, делился с Захером перипетиями противоречиво складывавшейся университетской карьеры, искал моральную поддержку в драматических случаях. После смерти Лефевра он пишет Захеру о своей крайней обеспокоенности судьбой «его наследства» председателя Общества робеспьеристских исследований и редактора «Анналов». «Уже множатся интриги, в частности со стороны изобретателя “атлантической революции” /Ж. Годшо/... Хислоп, член руководства, американка обвинила меня... в том, что я хочу превратить журнал в “орган коммунистической пропаганды”». «Нужно, – продолжал Собуль, – сохранить, вопреки всему, Общество и его единство». Подходящей кандидатурой на пост председателя он считал Лабрусса благодаря его «научному реноме и политической позиции»; тот сможет «сохранить традицию Матъеза и Лефевра»⁶⁰.

⁵⁷ Ставя кавычки, Собуль обнаруживает знакомство с принятой в СССР идеологической классификацией зарубежных ученых.

⁵⁸ А. Собуль – Я.М. Захеру. 18 июня 1960 г.

⁵⁹ А. Собуль – Я.М. Захеру. 15 декабря 1958 г.

⁶⁰ А. Собуль – Я.М. Захеру. 23 (?) сентября 1959 г.

Лабрусс, сообщал Собуль в следующем письме, получил на заседании комитета Общества большинство (13 против двух за Рейнара и двух за Годшо), тем не менее этот «социалист в овечьей шкуре» отказался. Но большинство комитета не захотело ни «атлантиста» Годшо, ни «клерикала» Рейнара. Лабрусс предложил в качестве компромисса учреждение директории в составе четырех сопредседателей (он, Годшо, Рейнар, Собуль), что и было принято. К тому же Собуль сменил умершего Луи Жакоба на посту генерального секретаря, ответственного за редактирование «Анналов». «Итак, – заключал Собуль, – журнал остается в руках робесперистов». Еще раз: «Мы // сохраняем следовательно (через меня) контроль над журналом. Это главное». И, наконец, в заключение письма: «Рассчитывайте на меня в отношении сохранения робесперистской и революционной традиции наших “Annales historiques”»⁶¹.

Думается, это заседание, состоявшееся 11 октября 1959 г., было без преувеличения историческим в судьбе французского ученого. Он получил первый административный статус в своей научной карьере, пост в Обществе робесперистских исследований закреплял международный научный престиж ученого. Немаловажна и духовная составляющая. Собуль отныне видит себя хранителем робесперистской, а, значит – Матъезовской традиции. Это не могло не отразиться и на его творчестве.

Отвечая на критические замечания Захера, Собуль писал, что он вовсе не преувеличивает значения потребностей обороны в отношениях между Революционным правительством якобинцев и движением санкюлотов. «Это абсолютно вторично». Главное – «политическая и экономическая несовместимость между санкюлотерией и буржуазией, даже якобинской». «Я совершенно не матъезовец, – продолжал Собуль. – Я согласен с Вами о “невозможности средней линии”... Когда “средняя линия” стала невозможной, Робеспьер взял сторону буржуазии и это было катастрофой»⁶².

«Я совершенно не матъезовец», – повторял Собуль в следующем письме и прибавлял, что в вопросе о задачах национальной обороны Лефевр «всецело разделял точку зрения Матъеза»⁶³. Следовательно, в важнейшем вопросе о роли этих потребностей в генезисе якобинской диктатуры Собуль сходиллся со своим советским коллегой и расходился с оценкой Матъеза – Лефевра. В дальнейшем Собуль стал эволюционировать в сторону «классической традиции». В полемике с «ревизионистами» Собуль сформулировал поистине классическую схему процесса: 1789 год – «буржуазная и либеральная» революция,

⁶¹ А. Собуль – Я.М. Захеру. 20 октября 1959 г.

⁶² А. Собуль – Я.М. Захеру. 18 (?) ноября 1958 г.

⁶³ А. Собуль – Я.М. Захеру. 15 декабря 1958 г.

«пользовавшаяся поддержкой народа», 1792 год – вмешательство народа для сохранения «завоеваний 1789 г.», якобинская диктатура – «сдвиг влево, необходимый... для спасения революции»⁶⁴.

Можно, я думаю, заключить, что Собуль, так же как Кобб, отходил от своей позиции на рубеже 50 – 60-х годов, и это движение было прямо противоположным эволюции английского историка. Собственно, по переписке с Захером очевидно, что это были разные натуры, но в исходный момент их отношения были исключительно дружескими, творческое сотрудничество переплеталось с личными связями. В сущности сплоченность небольшого круга друзей-единомышленников была абсолютной необходимостью для них среди далеко не дружественного окружения. Альбер Собуль был негласным лидером этого круга, и он позволял себе давать снисходительные порой оценки характера и поведения соратников. Касалось это по преимуществу именно Кобба.

Противопоставляя Коббу, Джорджа Рюде, Собуль пишет, что последний «пожертвовал университетской карьерой ради защиты наших идей». Рюде – «замечательный товарищ (camarade)», отмечал Собуль, указывая тем самым на партийность английского историка. «Что касается Кобба – это замечательный друг, но фантазер /*fantaisiste*/, мало задумывающийся о принципах (“великих” принципах!)». Собуля беспокоит (и не без основания) здоровье Рюде. Напротив, Кобб, по его мнению (неосновательному), не внушает такого беспокойства: «С Коббом все в порядке. Он постоянно влюблен /*amoureux*/, следовательно молод! Не беспокойтесь о нем!»⁶⁵.

Самокритичная аттестация Кобба во многом подтверждает оценку друга. Вообще английский историк относился к себе с большой долей юмора, и его письма отличаются прямо-таки исповедальной откровенностью. Соглашаясь во время посещения Ленинграда выступить перед научной аудиторией, Кобб сообщал о себе: «Но я должен сказать Вам, что у меня нет марксистского и вообще философского образования. Я – худший из представителей английского эмпиризма⁶⁶... У меня немного идей, и как историк я предпочитаю преимущественно анализ. Я более или менее аполитичен, хотя все-таки левой ориентации /*toutefois gauchisant*/. А к вашей стране... испытываю большое восхищение и признательность. Я был в армии почти пять лет и не могу забыть, чем мы обязаны вам в войне с фашизмом»⁶⁷.

Подобно Собулю, Кобб был очень скромного происхождения, рос без отца, испытывал еще в большей степени, чем французский друг,

⁶⁴ Собуль А. Классическая историография Французской революции. О нынешних спорах // ФЕ 1976. М., 1978. С. 168.

⁶⁵ А. Собуль – Я.М. Захеру. 21 октября 1958 г.

⁶⁶ “... je n’ai pas une formation marxiste, ni même philosophique, étant le pire des *empiricistes anglais*!”.

⁶⁷ Р. Кобб – Я.М. Захеру. 24 августа 1960 г.

материальные лишения. Этим, в частности, он объяснял плохое состояние своего здоровья, когда из-за воспаления печени в первый раз сорвалась его поездка в СССР. Другой причиной хронического заболевания печени Кобб называл пристрастие к красному вину, откровенно сообщая советскому другу и о том, что во время службы в армии пристрастился к «крепким напиткам»⁶⁸.

Письма Кобба полны упоминаний о любовных увлечениях. Он упорно ищет подругу жизни, опасаясь остаться одиноким. Свою холостяцкую судьбу объяснял, в первую очередь, материальным неблагополучием, а также переменчивостью женщин («ничего не сделает их другими – ни революции, ни войны») и своими привычками. «Я слишком долго жил как одиночка и эгоист. До [19]55 вел в Париже образ жизни богемы, пробавляясь почти ничем»⁶⁹, чтобы иметь возможность продолжать исследования; так что я пожертвовал браком ради истории». Тем не менее он был женат одно время на француженке и имел от нее сына; брак распался, вероятно, из-за той же житейской неустроенности Кобба. Однако «теперь, – заверял он советского друга, – я имею возможность жениться»⁷⁰.

В этом автобиографическом письме содержалось и откровенное признание о начале идейной эволюции: «Я понемногу становлюсь антиробеспьеристом и теперь не во всем согласен с позицией Анналов. Робеспьер – это чистый папа в миниатюре, в первую очередь, это чудовищная спесь и самоуверенность»⁷¹. Кропоткин, я считаю, правильно его оценил. Трудно ему простить Верховное существо и, ОСОБЕННО, этот НЕПРАВЕДНЫЙ процесс эбертистов, это было настоящее убийство, хотя и с юридическими процедурами»⁷².

Однако 1959 г. был для Кобба не тем временем, когда можно было афишировать разногласия с французскими робеспьеристами. Называя себя «аполитичным», Кобб, очевидно, намекал на свою отличную от Собуля и Рюде политизированность. Не будучи коммунистом, он был тем не менее последовательным антифашистом. Антифашизм был исключительно глубоким, составляя, судя по письмам к Захеру, основу

⁶⁸ Р. Кобб – Я.М. Захеру. 6 октября 1958 г.

⁶⁹ В этот момент Коббу очень помогал Собуль, в частности пристроив его в партийную столовую (см.: *Prince H. Richard Cobb: on intimate terms with the past* // *Journal of historical geography*. L., 1979. Vol. 5, N. 3. P. 328). См. также: *Мазорик К.* Альбер Собуль, историк и гражданин // ФЭ. М., 2002. С. 130.

⁷⁰ Р. Кобб – Я.М. Захеру. 20 мая 1959 г.

⁷¹ «Je deviens tous les jours un peu plus anti-robepierriste et je ne suis plus du tout d'accord avec la position des Annales. Robespierre c'est bien un petit pape, c'est surtout un monstre d'orgueil et de "self-righteousness"».

⁷² «... un véritable assassinat judiciaire» (Р. Кобб – Я.М. Захеру. 20 мая 1959 г.). Кобб занимался в это время так называемым военным заговором и выяснил неосновательность обвинения группы Эбера в стремлении использовать против Конвента подразделения Революционной армии, которой командовал Ронсен.

его мировоззрения, как и самой личности, и побуждая с подозрением относиться к любой смеси авторитаризма с национализмом. Несомненно также, английский историк отождествлял себя с международной революционной традицией. Рождение в 1917 г. представлялось ему символичным⁷³. А революционная традиция означала для него мир, демократию и, хотя и в меньшей мере, чем у Собуля и Рюде, социализм.

Антифашистская тема преобладает в описании событий, связанных с крушением Четвертой республики. С самого их начала Кобб испытывает большую тревогу и за Францию, и за друзей-коллег, и за изучение Французской революции. Мятеж в Алжире представляется ему угрозой фашизма: «Мне бы не хотелось оказаться в фашистской Франции. Ситуация в Париже крайне тяжелая, и исследования революции ждут трудные времена, если мятеж колонистов завершится успехом. Я боюсь за моего друга Собуля и еще многих других»⁷⁴.

Собуль тем временем пишет советскому другу: «В эти дни, когда фашизм бродит вокруг нас по Парижу, я заканчиваю /письмо/ нашим старым революционным призывом “СМЕРТЬ ТИРАНАМ”»⁷⁵. Видимо, Захер воспринимал события во Франции с большой тревогой, и, сообщая о получении статьи для журнала, Собуль стремится успокоить его: «Заверяю Вас, “Annales” так быстро не исчезнут. У нас теперь режим личной власти, но это еще не фашизм». Пессимизм Собулю внушают отношения между коммунистами и социалистами: «крайняя разобщенность прогрессивных сил, предрассудки одних, сектантство других»⁷⁶. Возмущают его и массовые настроения: «В настоящий момент масса французов не видит опасности и... думает главным образом об отпусках»⁷⁷.

Захер откликается «посланием солидарности», воспринятым Собулем с благодарностью. Они единодушны в оценке обстановки и причин поражения левых сил на референдуме: «Как Вы мне написали, страшная (ecrasante) ответственность ложится на социал-демократию». Письмо Собуля заканчивается: «Да здравствует свобода! СМЕРТЬ ТИРАНАМ!»⁷⁸. Кобб не обращался к революционным лозунгам, но всецело разделял настроение французского друга и его оценки.

Анализируя перспективы утверждения во Франции «замаскированной разновидности фашизма», Кобб также обращал внимание на то,

⁷³ Р. Кобб – Я.М. Захеру. 20 мая 1959 г.

⁷⁴ Р. Кобб – Я.М. Захеру. 17 мая 1958 г.

⁷⁵ Добавляя при этом «а Вам, мой дорогой друг, salut et fraternité!» (А. Собуль – Я.М. Захеру. 20 мая 1958 г.). Революционным приветствием Собуль все чаще выражает и свои чувства к советскому другу, и свое настроение в связи с происходившим во Франции.

⁷⁶ А. Собуль – Я.М. Захеру. 19 июня 1958 г.

⁷⁷ А. Собуль – Я.М. Захеру. 13 июля 1958 г.

⁷⁸ А. Собуль – Я.М. Захеру. 29 сентября 1958 г.

что «французская левая расколота, выдохлась и деморализована», а рабочий класс сделался «политически индифферентным». Однако новому режиму он дает лишь несколько лет существования. «Не все потеряно, – прогнозирует историк. – Отнюдь. Огромная стоимость этой бессмысленной войны в Алжире пробудит в конце концов безразличных»⁷⁹. Характерная и для его научных исследований деталь – Кобб связывает борьбу за демократию с материальными лишениями, с борьбой масс за существование.

Те же опасения и те же надежды в новом письме, на этот раз из Парижа: «Франция погружается в анахроничный, иррациональный и истеричный шовинизм. Даже среди народа большая часть подписывается под этими мифами о “величии” и “Французском Алжире”, которые обойдутся очень дорого и которые уже привели к изоляции Франции в Европе и мире. Все-таки можно надеяться, что это не навсегда. А пока нам нужно заниматься французской историей. Свобода возродится»⁸⁰.

Самое красноречивое письмо пришло в Ленинград уже в начале 1960 г. Вернувшись из Парижа, Кобб делится впечатлениями, а они его «глубоко удручают»: «Ситуация еще более ужасная, чем после 13 мая [1958 г.]». Вновь отметив раскол левых сил, английский историк добавляет: «Никто не знает, что делать, кроме алжирских фашистов... Какой гротеск, какой анахронизм; Франция в зависимости от средневековой армии, у офицеров которой сознание фрондеров XVII века. Все это невероятно в нашу эпоху... Я очень боюсь за наших друзей и наши исследования». Вывод Кобба – «если немедленно не организуется Народный фронт всех демократических сил, конец французским свободам»⁸¹.

Мой вывод комментатора столь же определен – английский историк оставался верным традициям Народного фронта 1930-х годов, патриотом Франции и ее революционного наследия, включая исследования Французской революции. Его демократизм был частью этого наследия, левоориентированным и последовательным, и он был уверен, что найдет полное понимание и поддержку у своего корреспондента из Ленинграда, которого глубоко уважал.

В том же духе единства и солидарности Кобб высказывался о судьбах мира в мире. Международное положение, угроза войны были предметом его постоянного беспокойства. Он последовательно стоял на антивоенных позициях, и международная безопасность одна из неизменных тем переписки с Захером. Вот характерный образец: «Желаю всего лучшего на 1959 год! Главное пусть он будет годом мира и пусть

⁷⁹ Р. Кобб – Я.М. Захеру. 6 октября 1958 г.

⁸⁰ Р. Кобб – Я.М. Захеру. 24 декабря 1958 г.

⁸¹ Р. Кобб – Я.М. Захеру. 27 января 1960 г.

несчастные историки, как Вы и я, работают спокойно, не выходя из себя от всех этих слухов о войне. Лично я думаю, что здравый смысл восторжествует. Повсюду существует столь единодушное желание мира, что оно в конце концов возобладает»⁸².

Кроме человеческого разума и массового желания, Кобб считал фактором мира престиж и могущество Советского Союза: «Все восхищаются достижениями Ваших соотечественников в исследовании Луны. Меня это радует, ибо я вижу в этом большое усиление общей тенденции к миру и разрядке международной напряженности»⁸³. Наряду с революционной традицией и антифашизмом, борьба за мир мотивировала его отчетливо просоветскую ориентацию. Все эти элементы были крепко спаяны в сознании английского ученого. И в этом он был близок к Собулю, о котором Адо написал: «последовательно просоветский человек»⁸⁴.

Еще одно сообщение на «космическую тему»: «Гагарин встретил в Англии, особенно в Манчестере»⁸⁵, горячий и поистине братский прием. Я всегда думал, что наш народ верен дружбе поры испытаний, и, приветствуя Гагарина, он хотел также напомнить о великих годах войны с фашизмом. Западная пресса впрочем очень недовольна этой спонтанной манифестацией»⁸⁶. Кобб разделяет симпатии народа и отвергает антипатию верхов к Советскому Союзу. Его настойчивое желание посетить Ленинград, о чем он регулярно пишет Захеру, напоминает стремление верующего побывать в святых местах. Не исключено, что одним из мотивов переписки было желание иметь в СССР друга, которого можно было бы навестить (потребность в друзьях очень заметна в письмах Кобба).

В первом же письме он рассказывает Захеру о своей мечте: «Есть у меня большая надежда, которую я вынашиваю уже многие годы, это посетить Советский Союз – и особенно ваш прекрасный город. Находясь во время войны в армии, я сотрудничал с нашими товарищами из советской армии в Бельгии и Германии, и я сохранил замечательные воспоминания об этом периоде и о том братстве»⁸⁷. После того как поездка неоднократно откладывалась по различным причинам, из которых решающей в конечном итоге стал недостаток средств⁸⁸, Кобб

⁸² Р. Кобб – Я.М. Захеру. 24 декабря 1958 г.

⁸³ Р. Кобб – Я.М. Захеру. 18 октября 1959 г.

⁸⁴ Бовыкин Д.Ю. Указ. соч. С. 57.

⁸⁵ Для Кобба Манчестер, где он одно время работал, был олицетворением промышленной революции и традиций английского пролетариата.

⁸⁶ Р. Кобб – Я.М. Захеру. 24 июля 1961 г.

⁸⁷ Р. Кобб – Я.М. Захеру. 5 декабря 1957 г.

⁸⁸ Начиная с 1958 г., Кобб изыскивал варианты своей поездки, авиационный, железнодорожный от Парижа и даже морской. Он понимал, что потребуются значительные средства, но когда вопрос перешел в практическую плоскость, был пора-

сообщает об очередном плане: «С большой радостью осуществляю я давно задуманное путешествие. Подумать только, я никогда не был в Советском Союзе, и это в 43 года!»⁸⁹.

Интерес к СССР включал у Кобба уважение к советскому народу, расположение к советским людям, симпатию к русским женщинам, славянкам. С восторгом описывал он встречу с «представительницей советской молодежи», киевлянкой, после чего ему сразу захотелось посетить в СССР и этот город⁹⁰. Сообщая о смерти «одной из моих лучших подруг» Наташи Вейц, дочери русского историка Мякотина⁹¹, Кобб прибавляет, что это была «очень милая девушка, соединившая все лучшие русские качества благородства и мужества»⁹². Встретив девушку из Болгарии, наделенную «славянской красотой»⁹³, Кобб оказывается в этой стране (1960 г.). В письме Захеру он не преминул отметить, что это был его первый визит в «народную демократию», где он нашел много интересного, но также то, что его «удивило». Понравились английскому историку «великолепные достижения, особенно на коллективных фермах», а поразили то, что национализм имеет «значительную силу» и «огромная статуя Александра II в Софии»⁹⁴.

Это письмо ученому из Ленинграда оказалось последним. В нем сообщалось также о смерти матери, с которой его связывали тесные душевные узы: «теперь я совсем одинок», – скорбел Кобб. Примечательны его первые впечатления об Оксфорде, где он начал преподавать с октября 1962 г. Ему там неуютно и из-за высокой учебной нагрузки (18 часов в неделю), и из-за консервативного характера известного заведения: «Это университет реакционный, привилегированный, в котором программа ничуть не изменилась с того времени, когда я там учился»⁹⁵.

На смерть советского друга (14 марта 1963 г.) Кобб откликнулся исключительно прочувствованным некрологом, где выразил пиетет к Захеру, к городу на Неве и к Советскому Союзу. От своего имени и от имени Рюде⁹⁶ и Роуза он писал о признательности к «советскому народу... великому союзнику в борьбе против германского фашизма» и

жен (effrayant) стоимостью пребывания в Советском Союзе (Р. Кобб – Я.М. Захеру. 5 сентября 1960 г.).

⁸⁹ Р. Кобб – Я.М. Захеру. 4 августа 1960 г.

⁹⁰ Р. Кобб – Я.М. Захеру. 16 ноября 1959 г. и 27 января 1960 г.

⁹¹ В.А. Мякотин (1867–1937), выпускник Санкт-Петербургского университета, ученик В.И. Семевского, историк-славист, автор работ о старообрядчестве, в 1917 председатель ЦК народно-социалистической партии, в 1922 г. выслан из России. Преподавал в Чехословакии и Болгарии. Умер в Праге (см.: *Чернобаев А.А. Историки России XX в. Т. 2. Саратов, 2005. С. 88–89*).

⁹² Р. Кобб – Я.М. Захеру. 27 января 1960 г.

⁹³ Р. Кобб – Я.М. Захеру. 24 июля 1961 г.

⁹⁴ Р. Кобб – Я.М. Захеру. 14 января 1963 г.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Работавший в Австралии Рюде написал сыну ученого отдельное письмо, где выразил свои чувства (Дж. Рюде – Ю.Я. Захеру. 22 мая 1963 г.).

о гордости иметь представителя этого народа своим другом. Подчеркивались революционные убеждения Захера, которые, как уточнял Собуль в параллельно опубликованном некрологе, «несколько не ослабли», несмотря «на более чем 15-летний перерыв».

Характерно для «прогрессивных ученых» – они умалчивали о том, что стало причиной этого перерыва в занятиях наукой. Симптоматично также очевидное различие нюансов в оценке их последствий для Захера. Если Собуль бросал косвенный упрек однопартийцам, для которых разоблачение репрессий сталинского режима стало толчком к отказу от коммунистических идеалов, то Кобб отмечал подвиг ученого, «который имел мужество возобновить свою работу на том самом месте, где он был вынужден ее оставить»⁹⁷.

В пространным письме к сыну ученого Кобб называл Захера «великим историком», деятельность которого «немало способствовала уважению (brought much honour) к вашей великой стране (которая, как я постоянно говорил ему, имеет много друзей здесь, поскольку мы не можем забыть совместную борьбу против германского фашизма и жертвы советского народа)». Сообщал Кобб также о женитьбе и надежде совершить все-таки поездку в СССР⁹⁸. Задумаемся, если считать это письмо и некролог (они очень близки и по тематике, и по тональности) завершением определенного периода в общении английского ученого с советскими историками, то несомненно сохранение всех тех качеств, что позволяли зачислять его в «прогрессивные» – антифашизм, революционная традиция, признательность к Советскому Союзу или, точнее, к советскому народу.

Двигателем его расхождения с советскими историками в лице В.М. Далина, А.З. Манфреда, А.В. Адо сделались не идейно-политические факторы: «я не читал – или мне не попалось на глаза – какие-либо заявления Кобба о его взглядах, но его творчество убеждает...»⁹⁹, – признавался Манфред, переходя тем не менее к политическим обвинениям. Возмущение вызвала обозначившаяся с середины 60-х годов эволюция научного подхода английского ученого, которую советские историки в духе наступившей идеологической реакции квалифицировали в политических категориях. Думаю, немаловажным сопутствовавшим обстоятельством стал недостаток личного общения. Смерть Захера оказалась для Кобба явно невосполнимой потерей. оон не нашел замену среди коллег в СССР¹⁰⁰, и это стало серьезным

⁹⁷ АНRF. 1963. N. 173. P. 398–400.

⁹⁸ Р. Кобб – Ю.Я. Захеру. 30 апреля 1963 г.

⁹⁹ Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С. 417.

¹⁰⁰ Очевидно, у Далина не было переписки с Коббом, а Адо общался с ним лишь у Собуля, не испытывая, судя по его сдержанным оценкам в ответ на мои расспросы, какие-либо личные симпатии. Из этих оценок у меня сложился образ одинокого чудака, делящего время между архивной работой и поглощением спиртного.

фактором творческого разобщения, которое превратилось в идеологическую конфронтацию с советской стороны.

В ту пору советскую историографию захлестнула волна идеологической борьбы. ЦК КПСС специальным постановлением (14 августа 1967 г.) потребовал «вести систематическую наступательную борьбу против антикоммунизма, давать обстоятельную критику... апологетов капитализма, разоблачать фальсификаторов идей марксизма-ленинизма, истории развития общества... давать решительный отпор проявлениям правого и “левого” ревизионизма». Фактически разоблачительная кампания развернулась на рубеже 60–70-х годов. В 1973г. ведущий журнал советских историков уже мог констатировать: «Институты АН СССР и кафедры вузов стали больше уделять внимания вопросам борьбы против враждебной марксизму-ленинизму идеологии, активизировали работу по критике буржуазной историографии, разоблачению реформистских концепций в исторической науке»¹⁰¹.

В этой идеологической кампании сформировавшаяся среди советских ученых культура партийности диктовала общие правила. Ведущие историки Французской революции следовали им, включившись в кампанию. Но в поведении каждого из них раскрывалась собственная индивидуальность. Первым с обличением эволюции Кобба выступил Далин. После смерти Волгина и Захера он остался единственным видным представителем ранней советской историографии и по складу характера как никто из коллег был склонен стать знаменосцем той традиции, что дала духовное начало этому уникальному научно-культурному явлению. Позиции третьего поколения «школы Анналов», «ревизионизм» Франсуа Фюре, равно как антиякобинские работы, с которыми со второй половины 60-х годов стал выступать профессор Ленинградского университета В.Г. Ревуненков¹⁰², Далин воспринимал как покушение на высшие жизненные ценности, которые были выстраданы им, узником Гулага, в буквальном смысле этого слова¹⁰³.

В выступлении против Кобба ярко выявилось дарование этого выдающегося историка, под скромной внешностью которого таилась натура революционного трибуна. «В.М.Далин – отличный оратор и полемист, – характеризовала его Ю.И. Хаинсон. –...Горячо и увлеченно, со всем блеском своей эрудиции он выступает на заседаниях сектора, на защитах диссертация, конференциях. Но особенно интересно бывает наблюдать за его полемикой с иностранными учеными-немарксистами,

¹⁰¹ Советская историческая наука на современном этапе // ВИ. 1973. № 5. С. 10–11.

¹⁰² См.: *Летчфорд С.Е.* В.Г. Ревуненков против «московской школы»: дискуссия о якобинской диктатуре // ФЕ. 2002. М., 2002.

¹⁰³ На заседании в Институте всеобщей истории, посвященном юбилею Далина, известный кинодраматург А.Я. Каплер рассказывал, как своей верой в революционные идеалы Виктор Моисеевич поддерживал духовную стойкость товарищей по заключению.

когда он, отстаивая марксистско-ленинские идейные позиции, широко оперирует огромным количеством фактов, поражает знанием новейшей литературы». «Умение спорить и убеждать, – обоснованно предположила Хаинсон, –... восходит к революционной юности» ученого, «к тем годам, когда в молодой Советской республике революционное слово завоевывало умы»¹⁰⁴. Эти особенности Далина определили не только характер его выступления, но и, думается, серьезно повлияли на весь ход полемики.

«На заседании сектора истории Франции в январе 1973 г., – читаем отчет, – доктор исторических наук В.М.Далин выступил с докладом “Судьба историка (последние работы Р.Кобба)”. По мнению докладчика, в последние годы на Западе наметился пересмотр тех положений, которые выработала за последние 50 лет марксистская историография. С этим новым этапом связан поворот в мировоззрении Р.Кобба, который был близок к марксистскому направлению, но с середины 60-х годов изменил свою позицию. Выступившие в прениях А.В.Адо, Б.Г.Вебер, А.В.Гордон, Ф.А.Хейфец согласились, что в настоящее время наметились новые явления в развитии западной историографии Великой французской революции и высказали ряд суждений о задачах историков-марксистов в этой связи»¹⁰⁵.

Английского ученого в СССР плохо знали, доклад Далина был выслушан с большим интересом, но не все и не всеми было принято на веру¹⁰⁶. Мои впечатления передает написанное по горячим следам письмом коллеге: «В.М. Далин, делая недавно сообщение о последнем /Коббе/, обвинил его чуть ли не в “измене” . Я же “состава преступления” в последнем труде Кобба “Полиция и народ” не нашел. У Кобба романтизм всегда уживался со скептицизмом в отношении героики и героев. В данном труде скептицизм явно взял верх. В.М. особенно возмутили всякие едкие фразы о Робеспьере, Сен-Жюсте, Бабефе¹⁰⁷. В Коббовском сборнике¹⁰⁸ (я его не читал, но В.М. зачитывал) есть едкие замечания в адрес Собуля. Думаю, Кобба задели успехи Собуля по

¹⁰⁴ Хаинсон Ю.И. Присуждение премии им. В.П. Волгина // НиНИ. 1972. № 1. С. 219.

¹⁰⁵ Денисова Н.Л. В секторе истории Франции // ФЕ 1973. М., 1975. С. 287. В этом же номере на скромном месте, в самом конце раздела «Историография» была помещена публикация Далина с неприятным названием «О новых работах Ричарда Кобба» (С. 260–273). Виктор Моисеевич, похоже, чувствовал неуместность идеологических разблачений в «Ежегоднике». Лишь спустя годы, переиздавая свою публикацию, Далин дал ей звучное название «Пути и перепутья Ричарда Кобба» (Далин В.М. Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981. С. 129–150).

¹⁰⁶ После заседания сотрудник редакции «Вопросов истории» А.Я. Шевеленко подробно расспрашивал меня о Коббе. Возможно, мое мнение сыграло роль в том, что журнал не опубликовал доклад Далина (хотя текст его изначально предназначался именно для «Вопросов истории»).

¹⁰⁷ Помню в своих возражениях Далину я настаивал на том, что любить или не любить Робеспьера – «это еще не идеология».

¹⁰⁸ Cobb R. Second identity. London, 1969.

части “тиражирования” своих работ. Но за этими личностными моментами ясно, что Кобб зацепил проблемы, которые Собуль или обошел, или упростил: участие масс в контрреволюционных выступлениях, насколько адекватно militants выражали интересы масс, какой класс они представляли в конфликте с Революционным правительством... Концепция “санкюлотизма” не выдерживает напора». Подход Кобба не представлялся мне более перспективным из-за его «отвращения к теории и интеллигентского либертаризма», но я сомневался, что конец XX века останется за концепцией Собуля – в противовес Далину, который «на том же заседании дал такую периодизацию: 1-я треть – Матьеза, вторая – Лефевра, а потом – Собуля»¹⁰⁹.

Негативным оценкам Коббом Робеспьера и Сен-Жюста Далин противопоставлял позицию Лефевра, который видел в них создателей «Народного фронта монтаньяров, якобинцев, санкюлотов», в якобинской диктатуре – прообраз «народной демократии». В этих оценках, комментировал советский историк, «преисполненных достоинства, искреннего, глубокого убеждения, основанных на многолетнем изучении революции, неизмеримо больше исторической правды, чем в нападках Кобба»¹¹⁰.

Акцентированием роли меньшинств в секционном движении Кобб, по мнению Далина, «не только перечеркивает... все достижения историографии революции последних десятилетий, но и отступает далеко назад от того интуитивного, но во многом прозорливого представления о роли санкюлотов в революции, которое – 135 лет назад! – отстаивал Томас Карлейль, и от тех оценок, которые давал П.Кропоткин»¹¹¹. По поводу стремления Кобба «проникнуть в мир... обездоленных, безымянных, запуганных... тех, кто не оставляет после себя никаких следов», Далин, ставя под сомнение искренность английского историка, задавался риторическим вопросом: «Но почему же он так презрительно относится к тем, кто, как Бабеф, пожертвовал своей жизнью именно во имя этих “самых обездоленных”?»¹¹².

«Почему, – продолжал советские историк свои риторические вопросы, – Кобб со своих новых позиций считает участников монархических банд “более интересными”, чем “бюрократов-террористов”?». Простодушная обида за последних переходит в полемичность политического закала: «Чем же еще, как не крайним анархо-индивидуализмом Кобба... можно объяснить, что в своих последних исследованиях... он обратился к изучению уголовного мира Парижа?». Риторические вопросы по традиции 30-х годов оборачивались политическим выводом

¹⁰⁹ А.В. Гордон – С.Л. Сытину (недатированная копия из моего архива, ответ на письмо Сытина от 10 февраля 1973 г.).

¹¹⁰ Далин В.М. Историки Франции... С. 144–145.

¹¹¹ Там же. С. 147.

¹¹² Там же. С. 150–151.

о расхождении между Коббом и «теми, кому дороги научные достижения историографии Французской революции в XX в., ее демократические традиции, кому по-прежнему дорого ее пламя»¹¹³.

Конечно, переброс в оценках очевиден. Далин отождествил верность традициям революции и демократии с апологией революционных вождей, а историческую реальность – с постулатом априорной революционности масс и их роли важнейшей революционной силы. Привлекает вместе с тем желание проследить эволюцию английского ученого, подчеркнуть достижения на новом этапе. Далин отмечал, что и в критикуемых работах видна «рука мастера», а выявление социального протеста 1811–1812 гг. – «открытие историка»¹¹⁴. Наконец, подкупает искренняя эмоциональность советского ученого, которая воспринимается откликом на очевидную эпатажность формулировок Кобба.

Худо ли хорошо ли, Далин пытался вести с «новым Коббом» заочный диалог; выступившие затем Манфред и Адо, скорее, формулировали оценки, в которых заметно усугублялся политический аспект. «Этот автор, – писал Манфред о Коббе, – ...за недолгое время стал превращаться из добросовестного историка подвигов французского народа эпохи революции в его хулителя. Последние произведения Кобба представляют собой клевету на французский народ, клевету на французскую революцию, клевету на историю героической освободительной Борьбы... Из передового представителя прогрессивной исторической науки он переродился в ее злобного !! врага»¹¹⁵.

Был Кобб «прогрессивным», стал Кобб «буржуазным» – таков вывод Адо: «В свое время... английский исследователь был близок к плеяде прогрессивных ученых (Ж. Лефевр, А. Собуль, Ж. Рюде и др.), новаторские труды которых обновили знание о Французской революции, освещая ее историю «снизу», т.е. с точки зрения роли в ней народных трудящихся масс». И вот – Кобб «среди буржуазных историков, занятых ныне “реинтерпретацией” народного движения эпохи Французской революции»¹¹⁶.

Все же оценка оценке – рознь. Оценка Манфреда поражает прежде всего совершенно нетипичной для ученого какой-то слепой, другое слово трудно подобрать, ненавистью. «Хулитель», «клевета на французский народ», «переродился в злобного врага» – неужели это относится к ученому, который отдал всю жизнь изучению истории этого народа?

¹¹³ Далин В.М. Историки Франции... С. 150.

¹¹⁴ Там же. С. 141.

¹¹⁵ Манфред А.З. Некоторые тенденции зарубежной историографии // Коммунист. 1977. № 10. С. 110. Переиздавая эту статью, Далин, не оговаривая вмешательство в текст, вычеркнул эпитет «злобный» (см.: Манфред А.З. Великая французская революция. С. 417).

¹¹⁶ Адо А.В. Французская буржуазная революция конца XVIII в. и ее современные критики // НиНИ. 1981. № 3. С. 51.

Лидер советских франковедов совсем был не против международных дискуссий о Французской революции. По его мнению, они свидетельствовали об актуальности наследия последней. Но Манфред (и, конечно, не он один) был, буквально, заморожен идеей победоносного единства всех прогрессивных сил, в его суждениях пафос «все большего возрастания роли идей марксизма-ленинизма» и их влияния, не в последнюю очередь через советских ученых, на мировую историографию. Крупнейшие французские историки Матьез, Лефевр, Лабрусс, основатели школы «Анналов» Марк Блок и Люсьен Февр, разумеется, близкий друг Бродель и даже Пьер Ренувен служили для него свидетельством этого процесса¹¹⁷.

Манфред был удовлетворен и эволюцией Собуля: «наш друг» «совершенствует, изменяет точки зрения, как и полагается настоящему ученому... То противопоставление санкюлотерии якобинцам, которое было у Собуля раньше, теперь уже в известной мере пройденный этап... Если вначале Собуль пытался превратить санкюлотерию в определенное политическое понятие, то сейчас он от этого уже отходит. И последняя книга, где он говорит о крестьянстве, тоже отражает в какой-то степени результаты того творческого общения, которое существует между нами и французскими учеными»¹¹⁸. Наконец-то, хотя и с оговорками («в известной мере», «в какой-то степени») можно было считать, что лидер группы, в которую входил Кобб, «выучился», пройдя школу «творческого общения».

Научная позиция Кобба не укладывалась в эту триумфальную схему, а своей эволюцией он ставил ее под сомнение. То, что английский ученый не делал притом каких-либо политических заявлений, оказывалось, в глазах Манфреда, особо подозрительным. Есть «открытые противники марксизма, антисоветчики, антикоммунисты... Мы их знаем по именам», – утверждал Манфред, ставя задачей раскрытие иных, «новых тенденций»: «Эти историки не стремятся афишировать свои антикоммунистические, антимарксистские настроения. Линия борьбы против марксистско-ленинской методологии осуществляется ими более тонко... Некоторые из них некогда прошли через марксистскую школу. Ныне они претендуют на то, чтобы стать “над марксизмом”»¹¹⁹.

Хотя Кобб, судя по письмам Захеру, никакую «марксистскую школу» не проходил, именно он оказался первым в ряду тех, кто, по мнению Манфреда, подлежал разоблачению. Сказалась, возможно, франкофилия: Манфред возглавлял (член президентского совета) общество СССР – Франция и задачи развития советско-французских

¹¹⁷ Манфред А.З. Великая французская революция. С. 414–415.

¹¹⁸ ФЕ. 1970. М., 1972. С. 312.

¹¹⁹ Там же. С. 416.

культурных и научных связей выполнял добросовестно и с энтузиазмом. К тому же они не были знакомы с Коббом лично¹²⁰. А человеческая сторона научного общения всегда была важна для Манфреда: «сохраняя свои качества... страстного политика-бойца», он, по оценке высокопоставленного сотрудника ЦК (сменившего его на посту главного редактора «Французского ежегодника»), «проявлял себя как тонкий, умный, обаятельный человек»¹²¹.

Чужой как человек, Кобб и как ученый, определенно, был малоинтересен Манфреду, и я очень сомневаюсь, что он по-настоящему знал не только позднее, но и раннее творчество английского историка, если смог разглядеть в монографии «Революционные армии» пафос «героической борьбы французского народа»¹²². Другое дело – Адо, исследовательские интересы которого плотно пересекались с сюжетами Кобба. Некой загадкой для меня представляется именно его позиция. На памятном заседании, где Далин выступил со своим критическим докладом, перепечатанном в том же году «Французским ежегодником» (а затем в очерках «Историки Франции»), я просил Адо поддержать меня, доказывая, что принципиальных изменений в подходе Кобба не произошло. «Нет, что-то изменилось», – задумчиво повторял А.В. Однако в его выступлении обвинительные заключения еще не прозвучали.

Профессор ведущего советского университета принял активное участие в идеологической кампании против антикоммунизма и антимарксизма, выбрав свои мишени. То были Коббен, Фюре, Ле Руа Ладюри и менее видные историки соответствующего направления¹²³. Не следует считать это участие вынужденным в силу известного принципа *la noblesse oblige*. У выдающегося советского историка, сформировавшегося в марксистской школе, создавшего свой капитальный труд о крестьянских движениях на основе классово-формационного подхода, безусловно преданного революционной традиции, были и личные мотивы для вмешательства в идеологическую борьбу с «ревизионистами».

¹²⁰ Вспоминаю, как на одном из заседаний в начале 60-х, перечисляя «прогрессивных историков» революции, Манфред, обмолвившись, назвал Кобба Рихардом. Эта оговорка сохранилась и в печати (см.: *Манфред А.З.* Великая французская революция XVIII в. и современность (К 175-летию революции) // НиНИ. 1964. № 4. С. 70.).

¹²¹ *Загладин В.В.* Выдающийся историк // ФЭ. 1976. М., 1978. С. 5.

¹²² *Манфред А.З.* О некоторых спорных и нерешенных вопросах историографии Великой французской революции // Там же. С. 177.

¹²³ Критика начиналась с библиографических заметок Адо в «Вопросах истории» (1968–1973). Затем последовали обобщения: *Адо А.В.* Современные споры о Великой французской революции // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977; *Он же.* Французская буржуазная революция конца XVIII в. и ее современные критики // НиНИ. 1981. № 3 (то же: Социальные движения и борьба идей. М., 1982. С. 41–70); *Он же.* Великая французская революция и ее современные критики // Буржуазные революции XVII – XIX вв. в современной зарубежной историографии. М., 1986.

«Отторжение»¹²⁴ – удачное слово, которым ученик Адо определил его отношение к критике последними основоположений «классической», марксистской, советской, наконец, историографии.

Притом советский историк стремился и умел быть добросовестным историографом. «Как правило, Адо не просто критиковал западных историков, с которыми не был согласен: он одновременно и представлял их читателю – подробно и взвешенно», – пишет Д.Ю. Бовыкин. Соглашаясь с замечанием Т.С. Кондратьевой «он умел ценить своих противников», автор работы о взглядах и личности Адо уточняет: «Оппоненты... априорно вызывали у него уважение; единственным известным мне исключением был, пожалуй, только Р. Кобб»¹²⁵.

Вот именно: заостренная и, вместе с тем, корректная оценка. Далин все же находил в позиции Кобба какие-то «оправдательные» нюансы. Без сомнения, английский ученый как непревзойденный знаток департаментских архивов Франции вызывал у него определенную симпатию в противоположность Ревуненкову, которого он аттестовал как «не специалиста по истории французской революции»¹²⁶. Между тем для последнего, решительно не соглашаясь с его утверждениями об антинародном характере якобинской диктатуры, Адо искал и находил взвешенные оценки, причем далеко не всем специалистам они представлялись убедительными.

«Прочел статью А.В.Адо в “НИИ”¹²⁷, но она меня не удовлетворила. – писал мне Сытин. – У него получается, что суть дела в односторонности Ревуненкова. Он де неправ, потому что не все учел. Но... в рамках узких, в пределах одной (выбранной Ревуненковым) линии развития¹²⁸ с ним можно согласиться? Я думаю, что В.Г. Ревуненков должен быть польщен тоном статьи и тем, как серьезно с ним полемизируют. По меньшей мере, как с Матъезом или Тарле»¹²⁹.

В том-то и дело, Адо не желал серьезно полемизировать с Коббом – даже на таком критическом уровне, как разбирался с «буржуазными реинтерпретациями» Коббена и др. С осуждением Кобба он выступил в конце идеологической кампании: лишь спустя 8 лет после доклада Далина – было время подумать – Адо поддержал далинскую критику. Другая любопытная деталь – в критических замечаниях о Коббе он неизменно ссылаясь на очерк Далина.

Однако не следует преувеличивать влияние коллег. Идея поступательного торжества марксизма в его ленинской интерпретации была

¹²⁴ Бовыкин Д.Ю. Указ. соч. С. 75.

¹²⁵ Там же. С. 74–75.

¹²⁶ Далин В.М. Историки Франции... С. 80.

¹²⁷ Адо А.В. К вопросу о социальной природе якобинской диктатуры // НиНИ. 1972. № 1.

¹²⁸ С точки зрения противоречий между якобинцами и санкюлотами.

¹²⁹ С.Л.Сытин – А.В.Гордону. 21 февраля 1972 г.

близка и Адо. Его тоже радовала эволюция Собуля, тем более, что он мог считать себя причастным к ней своими работами и благодаря тесному общению. «Собуль подверг критическому пересмотру тезис Лефевра о преимущественно антикапиталистической, а потому консервативной направленности “крестьянской революции” 1789 – 1790 гг., который стараются взять на вооружение буржуазные историки /курсив мой – А.Г./»¹³⁰, – писал Адо, отмечая значение эволюции французского историка в борьбе против реинтерпретаций роли народного движения в революции.

Советский историк с удовлетворением констатировал, что высокую оценку роли крестьянства, в особенности уравнительного течения, в борьбе за «демократический революционный путь решения аграрной проблемы» в «условиях буржуазной революции» разделяют представители молодого поколения, «утвердившего себя в литературе /о Французской революции/ в 70-е годы». Назывались имена Э. Резенде, Ф. Готье, Х. Бурстина. Положительно оценивал Адо также работы М. Вовеля, Р. Робен¹³¹, Ф. Икни, К. Мазорика, Г. Лемаршана. Все это укрепляло советского историка в его противостоянии «ревизионистским» переосмыслениям революции.

С этих триумфаторских позиций Адо оценил научную эволюцию Кобба. Вслед за Далиным он констатировал перерастание «анархоиндивидуализма» оксфордского профессора в «глубоко отрицательное отношение к демократическому движению в революции конца XVIII в., к якобинцам и якобинству, в отказ от научного социального анализа Великой французской революции как исторического явления»¹³².

Итак, «анархо-индивидуализм»! Воспроизводилась в новом стиле ситуация конфликта между советскими историками и Матъезом в 30-х годах. Если одним словом оценить выявившееся тогда своеобразие советской историографии, это будет – «партийность», детерминированность исследовательской позиции принадлежностью (или лояльностью) к правящей партии. Противопоставляя себя советским историкам, Матъез подчеркивал иное отношение к «ангажированности». Допуская влияние общественной среды на сознание историка, он трактовал это как признание «ограниченности человеческих возможностей», тогда как, обращаясь он к коллегам из СССР, это «вызывает у

¹³⁰ Адо А.В. Французская буржуазная революция... С. 59.

¹³¹ Положительно оценив подход Режи Робен («отталкиваясь от идей Грамши») к пониманию революции как одного из, хотя и важнейшего, рубежей переходной эпохи от феодализма к капитализму (см. главу 7), Адо даже в разгар перестройки счел необходимым отметить: «впоследствии Робен отошла от марксизма» (Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., 1989. С. 18).

¹³² Адо А.В. /Рец.:/ В.М. Далин. Историки Франции XIX – XX веков. М., 1981 // НиНИ. 1982. № 5. С. 181.

вас крик радости», вы считаете эту ограниченность достоинством, «вы хвастаетесь своей поработченностью»¹³³.

И в 70-х годах советские историки гордились своим служением делу социализма, революции и обоснование торжества этого дела считали вершиной исторического анализа. А в ипостаси героя-одиночки, который противостоит давлению общественных запросов ради совершенности своего анализа прошлого, выступал на этот раз «прогрессивный» английский историк. Позиция свободно определяющегося исследователя была неприемлема ни для ветерана Далина, ни для представителя послевоенного поколения историков-марксистов. «Мы пишем не для собственного удовольствия», – говорил Манфред на симпозиуме 1970 г. по якобинской диктатуре, напоминая коллегам об их «ответственности за напечатанное»¹³⁴. Не могу отделить и себя от общей позиции: придуманный мной термин «интеллигентский либертариизм» выглядел ее смягченной версией.

Преимущество определения «анархо-индивидуализм» было тройким. Во-первых, сам Кобб называл себя «одиночкой» и считал одиночество преимуществом для исследователя¹³⁵. Во-вторых, таким способом удавалось избежать политических ярлыков типа «агент французского империализма», которые в свое время были адресованы Матьезу и которые даже в условиях идеологической реакции 70-х годов выглядели вульгарными. В-третьих, была выразительно подчеркнута неприемлемость исследовательской позиции английского историка, поскольку и «анархизм», и «индивидуализм» имели для уха советского человека однозвучное звучание.

Показательно, что советские историки заклеили «отступничество» Кобба от «прогрессивной» историографии Запада, когда последняя в лице Собуля и его круга не усматривала в его работах *casus belli*, предмета для разрыва отношений. Кобб участвовал вместе с друзьями и учениками Собуля в праздновании его юбилея (1974г.)¹³⁶. Можно ли сказать, что «партийность» на французский манер была менее обязывающей и, по крайней мере, более широкой?

«Наш друг французский прогрессивный историк Клод Виллар»¹³⁷ совсем недавно почти в категорических выражениях потребовал, чтобы историки-марксисты вообще отказались от термина «буржуазный ученый». Я не пошел бы так далеко... этот термин имеет право на

¹³³ АНRF. 1931, N 2 (44), P. 153–154.

¹³⁴ См.: ФЕ. 1970. М., 1972. С. 312.

¹³⁵ «Историк – это человек-одиночка, – писал Кобб. – Одиночество дает ему ту сверхпроницательность, те качества любознательности, воображения и сострадания, которые необходимы в его профессии» (Цит. по: *Bury J.P.T. Cobb's France // Historical journal. L., 1976. Vol. 19, N. 3. P. 794*).

¹³⁶ Мазорик К. Указ. соч. С. 130.

¹³⁷ В то время зам.директора Института Мориса Тореза – французского аналога Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

существование»¹³⁸, – писал Манфред, доказывая, вместе с тем, необходимость дифференцированного и осторожного его употребления. Для Кобба снисхождения не было.

«Хотя голос оксфордского историка звучит очень индивидуально, он по существу все же вливается в общий хор новейших буржуазных пересмотров истории революции, – уверял Адо. – ...Ретроградность экономических устремлений городской массы, постоянный конфликт город – деревня на продовольственной почве – эти утверждения, обычные для многих буржуазных авторов, мы находим и у Кобба»¹³⁹. «Все же вливается»? Но ведь такую «ретроградность» подчеркивал и Собуль в «Парижских санкюлотах», а на противоречивость отношений между городом и деревней в связи с продовольственными акциями «революционных армий» Кобб указывал и тогда, когда считался «прогрессивным».

Нет, не кажется (да и не казалось) мне утверждение старшего товарища об «обуржуазивании» Кобба убедительным. Точнее был обозреватель приложения к «Таймс», который назвал «Полицию и народ» «бунтом (a revolt)» не только против марксистской историографии, но и всех разновидностей историографического «истеблишмента». Кобб «заложил взрывчатку под мосты, по которым беспрепятственно шествовало к широкому историческим интерпретациям целое поколение и правых, и левых»¹⁴⁰.

Важнейшим из таких «мостов» я бы назвал «народное движение». Его живописали правые, начиная с Ипполита Тэна, находившие в выступлениях «черни» мотив для осуждения революции. В поддержке «народа» усматривали справедливость революции историки из числа ее сторонников. Народное движение в облике «крестьянской революции» у Лефевра или «движения санкюлотов» у Собуля было тем предметом, в исследование которого внесла наибольший вклад левая («прогрессивная») историография XX в. На этот вклад не покусились даже «ревизионисты», лишь выведя за рамки буржуазной революции и «крестьянскую революцию», и «движение санкюлотов».

Кобб позволил себе усомниться в самой связи между категориями «народ» и «движение». Были у него предшественники? Да, но не из буржуазной историографии. Следует обратить внимание на П.А.Кропоткина, которого англичанин называл «самым проницательным историком Французской революции»¹⁴¹. Здесь можно искать идейные

¹³⁸ Манфред А.З. Некоторые тенденции... С. 108.

¹³⁹ Адо А.В. Французская буржуазная революция... С. 51.

¹⁴⁰ People in revolution: thirty years of French history as Frenchmen lived them // Times literary supplement. L., 1970. 27 November.

¹⁴¹ Р. Кобб – Я.М.Захеру. 16 ноября 1959 г. Та же оценка см.: Cobb R. Les armées révolutionnaires. Instrument de la terreur dans les départements. Avril 1793 – floréal de l'An II. Vol. 1. Paris; La Haye, 1961. P. 13. Несмотря на критику со стороны Захера Кобб не отказывался от высокой оценки Кропоткина (см.: ANRF. 1963. N 173. P. 398–399).

истоки размежевания Кобба с советскими историками, а также с Собоулем¹⁴². Объективно Кропоткин был основоположником изучения революции «снизу» в отечественной историографии. К тому же его вклад был признан таким авторитетом, как Ленин. Тем не менее отношение советских историков к Кропоткину изначально было противоречивым, а в 30-х годах в условиях культа Власти восторжествовала прямо нигилистическая позиция.

Захер при переработке своей монографии о «бешеных» получил резкую нотацию от издательского редактора: «Очень увлеклись Кропоткинским... Это увлечение ничем не оправдано: он сделал мало для выяснения подлинной истории “бешеных”, Вы далеко не развенчали его ошибок... Вы совсем его не критикуете, а больше обращаете внимание на заслуги. Но разве можно серьезно говорить о той его заслуге, что он искал у “бешеных” конкретные элементы социалистического характера? Если не забывать того, что Кропоткин сам-то не понимал научного социализма... Стало быть Кропоткин в этом вопросе только путаницу вносил... Надо сократить материал о Кропоткине до минимума и сказать примерно так: *Такой же ненаучной и вредной была оценка “бешеных” крупнейшим представителем русского анархизма П.А. Кропоткинским* /курсив мой – А.Г./»¹⁴³.

В конце 1960-х годов отношение к Кропоткину в СССР стало меняться на более благожелательное, и это отразилось в историографии. Заметным сигналом стала статья Е.В. Старостина, опубликованная при решительной поддержке Далина и Адо¹⁴⁴. При этом, положительно оценивая вклад Кропоткина, советские историки подчеркивали ту роль, которую тот отводил роли «народа деревень и городов» в революции. Но история Французской революции послужила для русского историка-мыслителя и основой для вывода «Везде и всегда революции делались меньшинством»¹⁴⁵. Кропоткин всячески выдвигал вперед роль «народных агитаторов», «неизвестных», и вот этой исследовательской логикой он оказался близок эволюции Кобба.

Свою исходную установку Кобб формулировал почти по Кропоткину «Французская революция и в своих городских, и в своих

¹⁴² Во время пребывания Собоуля в Москве на Международном конгрессе историков (1970) известный отечественный кропоткинист Е.В. Старостин поинтересовался мнением французского историка. Собоуль отрицал значение Кропоткина для современных исследований революции, назвав его труд «публицистикой» (из моей беседы с Евгением Васильевичем во время совместной работы над изданием «Великой французской революции» в конце 1970-х годов).

¹⁴³ П.И.Бычков – Я.М. Захеру. 29 января 1960 г. Эту оценку редактор Соцэкгиза навязал автору или собственноручно вписал в текст (см.: *Захер Я.М. Движение «бешеных»*. М., 1961. С. 13).

¹⁴⁴ *Старостин Е.В.* К истории изучения П.А.Кропоткинским Великой французской революции // ФЭ. 1967. М., 1968.

¹⁴⁵ *Кропоткин П.А.* Великая французская революция. М., 1979. С. 284.

деревенских формах была прежде всего народным движением»¹⁴⁶. Между тем в исследовании «революционных армий» он обнаружил, что революционные выступления оказывались делом рук политически активных меньшинств. Уже Собуль применительно к секционному движению в Париже раскрыл многообразие этих группировок, названных им «*militants*», показал сложность их взаимоотношений и тем самым, подчеркнем, нанес сокрушительный удар по представлениям советской историографии о руководящей роли группы «бешеных» – Ру, Варле, Леклерка. Кобб пошел дальше по пути типологизации.

«Интересно, – писал он Захеру, – что бонапартистская полиция относилась к Варле как к полусумасшедшему. Ру, без сомнения, более значителен». Однако «было много ему подобных среди *militants* секций, еще больше среди бесчисленных уравнителей в деревнях, в большинстве сапожников, из которых многие стали гражданскими комиссарами при революционных армиях. Много также было бывших священников, их эгалитаризм отличался библейскими чертами (*a q.c. de biblique*). Но преобладал у этих людей революционный патриотизм, который побуждал к принятию уравнительных мер в интересах национальной обороны и военной экономики»¹⁴⁷.

Следующим шагом Кобба было переключение внимания с революционных *militants* на параллельное существование в народной среде иных меньшинств (контрреволюционных, криминальных). В конечном счете, Кобб ставил задачей прояснить, что из себя представляла народная масса, какими были ее образ жизни в революционную эпоху, устремления и склонности простых людей и в какой степени их выражали те или иные меньшинства. Поэтому английский историк был совершенно прав, когда утверждал, что, поставив под вопрос категорию «народное движение», он не изменил предмету «народная история»¹⁴⁸.

Заметим, что вопреки упрекам Далина и Адо Кобб отнюдь не отказывал в самом праве на существование этой категории. «Выражение “народное движение”», – писал он, – уже само по себе есть концепция (*une thèse*)... Оно подразумевает значительную степень организованности и идейности (*orientation*), существование каких-то элементов признанной программы и главное – осознание участниками своей принадлежности к движению и своей коллективной идентичности». Проанализировав три десятилетия французской истории (1789 – 1820 гг.), Кобб заключал, что о существовании «народного движения такого порядка» можно говорить лишь применительно к временному промежутку в один год – с апреля 1793 г. по апрель 1794 г.¹⁴⁹.

¹⁴⁶ *Cobb R. The people in the French revolution // Past and present. L. 1959. N. 15. P. 60.*

¹⁴⁷ Р. Кобб – Я.М. Захеру. 15 апреля 1961 г.

¹⁴⁸ *Cobb R. La protestation populaire en France (1789 – 1820). Paris: Calmann Levy, 1975. P. 180–181* (французский перевод английского издания *Police and people. Oxford university press, 1970*). P. 10.

¹⁴⁹ *Ibid.* P. 180–181.

С таких максималистских, можно сказать, позиций Кобб предлагал видоизменить исследовательский подход, разработанный Собулем (а заодно советскими историками). Вопрос, «почему народное движение потерпело поражение в ходе Французской революции», он находил некорректным, поскольку таковое, по его убеждению, «не имело ни малейшего шанса на успех». Основополагающим становился вопрос, «как стало явью подлинно народное движение», потому что, полагал Кобб, «именно это самый удивительный факт истории Французской революции»¹⁵⁰. Замечательна его сравнительная оценка термидоровского периода: «Худшие элементы¹⁵¹ времени якобинской диктатуры продолжали существовать, но к ним добавились другие, еще более страшные. Единственно, что по-настоящему произошло – умолк глас народа (*vox populi*)»¹⁵².

Другим своим отличием от Собуля, Рюде, Тенессона Кобб называл перемещение акцента с целей и организационных структур народного движения на «тип ментальности и поведения». К такому повороту он обнаруживал склонность изначально. «*Санкюлотерия* не была классом», – утверждал Кобб, и это не совокупность слоев «городского общества XVIII века». «Это – продукт революции», и это «скорее политическая позиция, определенный моральный подход к политическим проблемам, чем социальная общность»¹⁵³. Критическое отношение Кобба к тому, что он называл «социологией», позже обострилось, направив его эволюцию в сторону исторической антропологии.

«Хотя я слишком фрондер, чтобы принадлежать к какой-либо школе, – признавался Кобб, – ...к коллекции Робера Мандру ‘История ментальностей’ я чувствую наибольшее влечение»¹⁵⁴. Однако то была просто декларация о намерениях. Оксфордский профессор так и не примкнул к какой-либо «школе», обнаружив в своих поздних работах «влечение» и к истории повседневности, и к социальной антропологии, и к микроистории, и даже к исторической географии. Уходя от традиционной социальной истории, Кобб остался на перекрестке различных методологических влияний.

В основе разрыва Собуля с Фюре, по мнению Клода Мазорика, «лежало, прежде всего, недопонимание»¹⁵⁵. Я очень сомневаюсь, что можно объяснить недопониманием критику направления Фюре или поздних работ Кобба советскими историками. Далин и Адо хорошо, на мой взгляд, понимали, что английский историк предлагает иную парадигму «народной истории» революции, но не были готовы ее допустить

¹⁵⁰ Ibid. P. 11.

¹⁵¹ Речь идет о «*groupes de pression*».

¹⁵² Cobb R. *La protestation populaire en France...* P. 180.

¹⁵³ Cobb R. *The people in the French revolution.* P. 67.

¹⁵⁴ Cobb R. *La protestation populaire en France...* P. 12–13.

¹⁵⁵ Мазорик К. Указ. соч. С. 132.

как альтернативу. И бабувистика Далина, и крестьянские исследования Адо были проникнуты отождествлением «народной истории» революции с **революционной историей** народа, иначе – с революционной традицией. Следуя этой логике, Адо исключил из первого и второго издания своей фундаментальной монографии контрреволюционные выступления французского крестьянства притом, что считал их не менее значительным явлением. Время для исследовательского постижения Вандеи тогда еще не пришло¹⁵⁶.

Трактуя «народную историю» как историю борьбы народа с его угнетателями, советские историки превратили изучение революции в иллюстрацию решающей роли борьбы масс в историческом процессе. Важнейший постулат марксистской теории истории, так называемого исторического материализма выявлялся в категории «народного движения», которая, в свою очередь, приобретала методологическое и аксиологическое значение. В послевоенной¹⁵⁷ советской историографии Французской революции «народное движение» стало восприниматься как постоянно действовавший институт, наделенный неизменными и слабо дифференцированными в социальном отношении атрибутами.

Этот институт изображался главным двигателем и самостоятельным, наделенным одушевленностью историческим субъектом. «Мощное народное движение властно *ставило вопрос* о дальнейшем развитии революции; оно также недвусмысленно *указывало и путь*, которым следовало бы идти /курсив мой – АГ/»¹⁵⁸, – так определял Адо ситуацию, вознившую на рубеже 1792/93 г., путь, приведший к установлению революционной диктатуры.

Под влиянием «ревизионистской» критики советский историк в 80-х годах высказался за дополнение подхода к революции «снизу» изучением позиции «верхов» – дворянства и буржуазии¹⁵⁹, однако не воспринял критику Кобба. И в переиздании своей монографии Адо

¹⁵⁶ В разговоре со мной в конце 60-х годов Анатолий Васильевич признавался, что при архивных разысканиях документы о контрреволюционных выступлениях в деревне чередовались с не меньшим постоянством, но он их сознательно упускал. «В каждом департаменте была своя Вандея», – резюмировал Адо. Знаменательно, что в конце 80-х годов (в условиях «перестройки») он замысливал книгу именно о Вандее.

¹⁵⁷ В отличие даже от работ 20-х годов, когда, например, Я.М. Захер или Я.В. Старосельский позволяли себе критику «экономической реакционности» требований городских низов.

¹⁵⁸ Адо А.В. К вопросу о социальной природе якобинской диктатуры // НиНИ. 1972. № 1. С. 151.

¹⁵⁹ В отчете об историографической конференции 1983 г. читаем: «А.В. Адо, отметив научную ценность традиционного для советской и зарубежной марксистской науки интереса к народным движениям, левым идейно-политическим течениям (якобинизму, уравнительству, утопическому коммунизму и т.п.), подчеркнул необходимость исследования роли дворянства и буржуазии в революции» (*Модель В.А., Стрельченко Н.В., Супоницкая И.М.* Марксизм-ленинизм и развитие исторической науки в Западной Европе и Америке // ВИ. 1983. № 5. С. 115).

остался верен трактовке крестьянской истории революции как истории крестьянского (революционного) движения¹⁶⁰.

Оценка Далина-Манфреда-Адо стала до наступления перестройки¹⁶¹ аттестацией английского ученого в советской историографии. В энциклопедической статье 1965 г., посвященной Жоржу Лефевру, отмечалось, что он «оказал большое влияние на развитие прогрессивного крыла западноевропейской историографии и создал школу исследователей, сосредоточивших все внимание на изучении роли народных движений периода революции (А. Собуль, Д. Рюде, Р. Кобб, К. Теннесон)»¹⁶². Автором был Далин. В переиздании 1973 г. упоминание о Коббе в этом ряду исчезло¹⁶³.

Ретроспективно можно сказать, что подходы советских критиков и Кобба не были взаимоисключающими. Междисциплинарный разрыв между социальной историей и исторической антропологией, революционными исследованиями и «историей ментальностей» сохранился до сих пор. Кобб 70-х годов, не оспаривая значение политической истории, сосредоточивался на деполитизированной повседневности, на проблемах народного выживания в тяжелейших условиях революционной эпохи. Он пытался за понятиями «народ», «класс», «санкюлоты», которыми оперировали его оппоненты, разглядеть отдельных людей и выявить индивидуальные человеческие судьбы. От области «публичного» он перешел к области «частного». Большое значение придавал субъективности, сфере сознания, считая долгом историка воскресить чувства и мысли рядовых людей ушедших поколений. В противоположность категории *интересов*, на значении которых традиционно сосредоточивались историки-марксисты, Кобба гораздо больше интересовали коллективные и индивидуальные *настроения*.

Кобб стал широко вводить в оборот художественные произведения эпохи, увидев в них важный исторический источник. Можно говорить о влиянии на английский историка принципов полевого исследования, предполагающего вживание исследователя в жизнь изучаемой общности: «с 1935 г. я исходил историю французского народа, испил ее,

¹⁶⁰ См.: Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция: Крестьянское движение в 1789–1794 гг. М., 1987.

¹⁶¹ При переработке в новых условиях своей статьи начала 80-х с критическим отзывом о Коббе Адо восстановил место его работ в ряду трудов Лефевра, Собуля, Рюде, Маркова, правда с примечанием об «отходе» от «прогрессивных позиций» (см.: Буржуазные революции XVII–XIX вв... С. 110–111). Еще глуше стал критический тон во втором издании монографии. Отнеся Кобба к «прогрессивному направлению западной историографии», Адо опять-таки в примечании оговаривал, что в «последние полтора десятилетия» ученый «отошел» от «прежних общественных и научных позиций /курсив мой – А.Г./» (см.: Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987. С. 12, 377).

¹⁶² Советская историческая энциклопедия. Т. 8. М., 1965.

¹⁶³ См.: Большая советская энциклопедия. Т. 14. М., 1973.

высмотрел, выслушал, участвовал в ней»¹⁶⁴. Знание народной среды середины XX в., бедных кварталов Парижа и Лиона, портовых улиц Марселя и Гавра, Кобб в определенной степени экстраполировал на сюжеты народной истории конца XVIII – начала XIX веков. Его коллегам, особенно из бывших сподвижников, подобный подход, включавший большую долю исторической реконструкции, представлялся «субъективным», «интуитивным» и даже «импрессионистским».

Виктор Далин и Анатолий Адо отнюдь не были упрямыми догматиками. Это были первоклассные исследователи, люди широких взглядов. Да, они внесли в свою критику сильный идеологический настрой. Но следует вспомнить о временном контексте. Это не только наступление идеологической реакции (на «Пражскую весну», хрущевскую «оттепель», выступления диссидентов и др.) в СССР. Это еще обострение идеологической напряженности, волна антикоммунизма на Западе. Эволюция Кобба была воспринята советскими учеными в аспекте огульного отрицания революционной традиции в западной историографии. Стоит вспомнить и о том, что его автобиографические «прозрения» были поданы в остро полемическом стиле.

В борьбе с пересмотром «классической традиции» советские историки отстаивали не просто собственные выводы или специфическую концепцию Французской революции и не только марксизм в конце концов. Главными были прогрессивное значение революций в истории, концепция социального прогресса вообще. Как бы ни относиться к исторической традиции, которую они защищали, будет справедливо признать, что мировоззренческие проблемы не поддаются однозначному решению.

Встает, однако, вопрос о соотношении научного знания и культурной традиции, о том, что представляла собой традиция, которую они защищали. Сопоставление реакции советских историков и их «прогрессивных» коллег-единомышленников за рубежом наводит на серьезные размышления: ведь они разделяли и пиетет к революционной традиции, и установки подхода «снизу». К тому же именно они, вчерашние друзья Кобба, а не советские историки были затронуты его критикой непосредственно и порой жестоко. Почему же те реагировали на выступление Кобба более адекватно, без идеологических обертонов?

Рюде, концепцию которого – выделение феномена «революционной толпы» в народных выступлениях во Франции и Англии XVIII в. – Кобб объявил «рюдефикацией» истории, подавив, по собственному признанию, «первое раздражение», не уклоняется от диалога. Рюде признает справедливость аргументов своего критика, и, защищая свою позицию, отмечает, что Кобб поставил этой критикой реальные

¹⁶⁴ Цит. по: *Prince H. Richard Cobb: on intimate terms with the past // Journal of historical geography. L., 1979. Vol. 5, N. 3. P. 328.*

вопросы о соотношении уникальности исторического события и необходимости социологических обобщений, об индивидуальности действующих лиц и коллективности самого действия¹⁶⁵.

Очевидно, на общую для советских историков и их «прогрессивных» коллег революционную традицию наложились та самая культура партийности, которую западные коммунисты Собуль и Рюде отделяли от научных исследований. Характерно, что во время советской перестройки, когда подобное дистанцирование началось в советской историографии, стали различимы соображения, которые критики Кобба не захотели или не смогли расслышать в 70-х годах.

С призывом дифференцированно относиться к народным движениям революционного времени и сыгранной ими роли выступил Е.Б. Черняк: «Нельзя забывать об облике тогдашней плебейской массы, определявшейся во многом ее бесконечно тяжелыми, беспросветными условиями существования, о разделении ее на различные прослойки, интересы которых нередко сталкивались, низком образовательном уровне, сохранении множества предрассудков и иллюзий, склонности поэтому следовать сомнительным или даже авантюристическим призывам»¹⁶⁶.

Средневековые черты в массовом сознании участников революционных выступлений подчеркнул В.Н. Малов, сам А.В. Адо указал на традиционализм крестьянского сознания как ключ к пониманию генезиса революционного террора¹⁶⁷. А его ученица Е.О. Обичкина, посетовав на отсутствие советских работ, совмещающих «два плана», два вида народных выступлений – антифеодальных и антиреволюционных (скрытая критика учителя), заявила, со ссылкой на исследования И. Берсе, что речь должна идти о «явлениях одного социально-психологического порядка», массовом недовольстве крестьян «существовавшим или вновь установленным порядком». Она же озвучила соображение М. Вовеля, столь близкое по духу подходу «позднего» Кобба, что для многих французов «жить во время революции» не означало принимать в ней участие и разделять ее стремления¹⁶⁸.

Затруднительно говорить о сближении сторон (не было ни ссылок на работы Кобба, ни упоминаний его имени); но, очевидно, критика представленной им позиции переставала носить идеологический характер с явственными элементами «диалога глухих». В конце бытия советской историографии в условиях утверждения идейного и методологического плюрализма обозначилось понимание этой позиции и восприятие ее элементов.

¹⁶⁵ The face of the crowd: Studies in revolution, ideology a. popular protest. Selected essays of George Rude. N.Y. etc., 1988, P. 66–68.

¹⁶⁶ Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции (материалы «круглого стола» 19–20 сентября 1988 г.). М., 1989. С. 67–68.

¹⁶⁷ Там же. С. 209–210, 236–238.

¹⁶⁸ Там же. С. 148, 151.